

Юлия СКУРКИС
Александр СОЛОВЬЁВ

ХОМОТРОФЫ

@ЭЛИТА

16+

Юлия Скуркис Александр Соловьёв Хомотрофы

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7388127

*Скуркис Ю., Соловьёв А. Хомотрофы: ЭИ «@элита»; Екатеринбург;
2013*

Аннотация

Журналист Сергей Лемешев едет в отпуск на машине, но в дороге происходит авария. Он отправляется за помощью и оказывается в мрачном городе-ловушке, окруженном непреодолимой невидимой гранью, которую невозможно пересечь в обратном направлении.

Череда событий постепенно втягивает Лемешева в царство кошмаров, где сны сливаются с явью, а призраки указывают путь к воротам потустороннего мира, за которыми ожидает своего часа безымянная тварь.

Окажется ли случайный приезжий тем, кого так долго ждали сумрачные обитатели города, пропитанного страхом и отчаянием?

Содержание

1	4
2	17
3	32
4	48
5	60
6	70
7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Юлия Скуркис, Александр Соловьёв Хомотрофы

*Сколько же их, остающихся во славе земли,
которые есть и не увидят смерть до тех пор,
пока дом не падет и дракон не уйдет на дно?
Возрадуйтесь! Ибо короны храма и одеяния его,
что был, есть и будет коронован, уже более не
разделимы!
Выйди! Появись!
На ужас земле и во успокоение подготовленным!*

Восьмой енохианский ключ

1

Ночная дорога пустынна. Именно поэтому и захотелось мне продолжить путь. Изредка я обгонял фуры дальнобойщиков и несся в темноту. По обеим сторонам дороги за кюветами высились черные стены леса. В больших городах не бывает настолько темно. И там никогда не увидишь такого неба, не ощутишь его глубины.

Пока днем тащился по МКАДу, пока в толчее таких же страдалыцев удалялся от Москвы, я слушал радио. Потом,

когда вырвался на простор, его бубнеж и рулады показались чем-то инородным. Выключил. Звук мотора, шуршание колес, изредка голос навигатора. Женский, но какой-то невыразительный. Я назвал ее Сусанной. Один раз в такие дебри завела.

Старая восьмидесятка «ауди» увозила меня все дальше от Москвы. Мысленно я уже предвкушал, как растянусь на пляже, и первый день буду просто расслабляться. А вот на второй или даже на третий – начну бросать поверх очков заинтересованные взгляды.

Мог бы, как все нормальные люди, сесть в самолет и через несколько часов наслаждаться цивилизованным отдыхом за границей. Не захотел. Решил прокатиться по местам детства и юности.

Оглушительный хлопок – и машину резко дернуло в сторону. Очнулся я висящим на ремне безопасности вниз головой, физиономией в подушку. Черт – съездил в отпуск!..

Судорожно нащупав застежку, я нажал клавишу и рухнул вниз, на потолок. Повезло, что дверь не заклинило.

Я выбрался из машины и съехал вниз по мокрой холодной резине. Что это? Кладбище автомобильных покрышек? А сверху моя «ауди» зарылась капотом в эту гору отходов брюхом в небо. Некоторое время я тихо матерился, игнорируя факт удивительного везения.

В голове шумело, из носа шла кровь, и я, похоже, оглох от взрыва пиропатронов. Так что, вполне возможно, что ругал-

ся я громко, просто плохо себя слышал. Вроде цел. Несколько ушибов и синяков не в счет. Сообразил вернуться и выключить двигатель. Разыскал Сусанну, барсетку с документами. Телефон тоже нашел, но он развалился на части. Как ни удивительно, машина встала на сигнализацию.

Елки-палки! Надо же так попасть! Осматривать машину не стал. Много ли увидишь с маленьким брелочным фонариком. И так понятно, что лопнуло правое переднее. А ведь новые колеса, три месяца назад купил. Вот вернусь!.. Захотелось съездить кому-нибудь по физиономии. Желательно по справедливости, то есть тому, кто в ответе за эту аварию.

Я оценил длительность полета в головокружительном сальто-мортале и внутренне содрогнулся. А если бы там оказалась не гора покрышек, а деревья. Я преодолел заросший осокой кювет и выбрался на дорогу. Ни единого огонька на трассе.

Ну и где мы? Сусанна показала в трех километрах отсюда городок. Никодимовск. Что за дыра, интересно? Я задал новый маршрут и, прихрамывая, пошел по обочине, то и дело шмыгая разбитым носом. Дорогу я подсвечивал навигатором. «Через пятьсот метров поворот направо», – сообщила Сусанна, мигнула пару раз и выключилась.

– Эй! Ты не можешь так со мной поступить! – Трясти навигатор и стучать по нему оказалось бесполезно.

Поворот я нашел. Перед ним даже указатель имелся: «г. Полиуретан 2,5 км». Погодите-ка, а где же Никодимовск?

Хотя, какая, хрен, разница! Посветил брелком на часы. Около четырех утра. Самое время стучать в окна и просить о помощи. Хотя, пока дойду...

Два с половиной километра показались мне бесконечными. Я устал, да еще голова разболелась. Все-таки сильно меня тряхануло. Я присел на влажную от росы обочину передохнуть и, пораскинув мозгами, остался дожидаться рассвета.

Свежо, воздух удивительно чистый, хотя примешивается какой-то техногенный аромат.

Я уже и забыл, какие они – предрассветные часы на природе. Надо только избавиться от головной боли. Я сел удобнее, выпрямил спину и постарался вспомнить, чему меня когда-то учили. Давненько не практиковался.

Я проснулся, когда солнце показалось над горизонтом. Поднялся, отряхнул одежду и продолжил путь. Даже не заметил, как уснул, и не почувствовал, что завалился на бок. Судя по безоблачному небу, день обещал быть жарким. Я шел и шел по плавно поворачивающей дороге, а город все не показывался. Вот уже асфальт начал парить, избавляясь от ночной влаги. Я различил звук собственных шагов и обрадовался, что вновь слышу.

Наконец я увидел город. В колеблющихся испарениях он казался призрачным. Не город, а городок, обычный районный центр, я бы даже сказал поселок городского типа. Он весь утопал в зелени. Водонапорная башня и несколько ста-

ринных зданий высились над гущей деревьев. Местами среди пышных крон проглядывал частный сектор. Он широкой полосой раскинулся по кругу, то поднимаясь на покатые холмы, то проваливаясь в балки.

Подойдя ближе, я различил в центре что-то вроде парка и в его зарослях скопления построек. Одни, похожие на жилой район, примыкали к башне, другие напоминали заводские сооружения.

Минут через десять я увидел мост через речку Никодимовку. Серебристой змейкой она извивалась между мохнатыми берегами и в отдалении впадала в небольшое озерцо. А город, значит, переименовали. Зря.

Мне нравилась местность. Однако было несколько необычное ощущение ирреальности, какое иногда возникает перед грозой. Шагая по дороге, я вдруг сделал для себя открытие: до чего удивительно живописный городок – Полиуретан, хоть название паршивое. Холмистый ландшафт подчеркивал плодородие земель – отовсюду обозревались тучи зеленой массы. Я на минуту остановился посреди моста, облокотился на перила, заглянул вниз.

Речка была мутной. В ней неясно различались водоросли. Они, как ленты на ветру, трепетали, вытягивались по ходу быстрого течения. Берега под водой неравномерно закруглялись, уходили в потемки. По поверхности воды плыли пухинки и насекомые. В гулком пространстве под мостом что-то тихо подвывало, несмотря на безветрие.

Вдруг я уловил чей-то взгляд и вздрогнул от неожиданности. Из самой глубины кто-то внимательно смотрел на меня. Я еле сдержался, чтобы не отпрянуть назад. Приглядевшись, понял: там, в воде, мое собственное отражение. Похоже, недолгий сон не очень-то меня освежил.

Я осмотрелся по сторонам: видел ли кто-то мой испуг? Нет, к счастью, на мосту никого, кроме меня, не было. Я вздохнул с облегчением. Ладно, ничего. Это все шок и переутомление, но не такое, от которого я бежал из Москвы, взяв первый отпуск за пять лет.

Несколько месяцев я мучился бессонницей, которая приводила с собой вереницы мыслей сумбурных, тоскливых и неотвязных. Например, о том, что я постарел (в двадцать-то восемь лет), и от этого картина мира, некогда казавшегося таким привлекательным, потекла грязными потоками, обнажая серую пустоту.

В какой-то момент я осознал: если ничего не предпринять сейчас, потом наверняка уже будет поздно. Навеки поздно. Но что предпринять? Об этом я и собирался подумать. Заставил себя вырваться из Москвы, из привычной жизни, которая стала напоминать бег в колесе.

Я ведь, на самом деле, не ищу приключений, я хочу постоянства. И определенности...

(Не обманывай себя! Это и есть то место, куда ты ехал.)

М-да, а сейчас мне нужен телефон.

Я оттолкнулся от перил. До города рукой подать, вон за

мостом уже виднеется дорожный знак с надписью: «ПОЛИ-УРЕТАН», а впереди ни души.

Я постепенно продвигался вглубь городка. Дорога шла в гору, все время петляя. Плотный частокोल тополей рос по обеим ее сторонам. По тому, как линия тополиных верхушек поворачивала и извивалась вдаль, можно было угадать направление дороги.

Косые утренние тени изломанными мазками падали на заборы и крыши домов. Окружающее почему-то напоминало мне пожелтевший от времени фотоснимок. Виной ли тому янтарный солнечный свет или усталость – я не знал.

Я шагал по самой середине дороги. Вокруг были земельные участки. Вправо и влево разбегались узенькие улочки, мощенные брусом. В конце улочек появлялись и тут же пропадали из виду темные фигурки горожан.

Я попытался войти в чей-нибудь двор, чтобы постучаться в дом, но все попадающиеся мне калитки оказались закрыты. На крики никто не отзывался. Вся надежда, что в центре, вблизи административных зданий удастся с кем-то переговорить.

Единственная старушка, у которой я спросил через забор, откуда я могу позвонить, услышав мой голос, испуганно вздрогнула, выронила из рук тляку и, не оборачиваясь, поковыляла к дому. Дикость дремучая.

Странные люди, похожие на тени, населяли это место. Кажется, они намеренно не хотели попадаться мне на глаза, как

будто знали, что я чужой. Я не мог точно сказать действительно ли здесь такая невообразимая первозданная тишина или у меня до сих пор не полностью восстановился слух.

Прошагав наугад еще немного, я оказался на широком перекрестке и свернул на тротуар, идущий вдоль прямой улицы – границы частного сектора. По другую сторону от нее тянулся высокий металлический забор, за ним темнели вековые дубы и липы в окружении высокой – до пояса – густой травы.

Я долго шел по проезжей части вдоль ограждения, надеясь добраться до поворота или обнаружить проход, на худой конец – лаз. Мне надо было пересечь этот лесопарк. Не оставалось ничего другого, как попытаться перелезть высоченный, кажущийся бесконечным забор.

Только я хотел свернуть в его сторону, как меня с ревом обогнал бог весть откуда взявшийся мотоцикл. Я успел заметить, что это была тяжелая модель старого образца.

Солнце било в глаза, я не мог рассмотреть мотоциклиста как следует. Видел только его растопыренные локти и поднятые плечи, и еще мне почудилось, что у него нет головы. Что-то холодно кольнуло в груди. Звук мотора утих через несколько мгновений. Мотоциклист исчез так же неожиданно, как и появился.

Куда он свернул? Я даже не успел заметить...

Дорога просматривалась вперед на добрых полкилометра. Нигде не было видно поворотов.

Может, этот мотоциклист плод моего воображения? Да нет же! Не отрицаю, я слегка контуженный, но не сумасшедший же. Наверняка впереди, метров через сто, есть поворот или какой-нибудь проем в заборе.

Я поспешил вслед за призраком. Но ни через сто, ни через триста метров проема не обнаружилось. Вдобавок справа оказался глубокий овраг. Значит, либо мотоциклист мне померещился, либо на какое-то время я отключился и бредил. Стало неприятно и тревожно.

(Мотоциклист – был! Не пытайся это опровергнуть.)

Дорога начала плавно сворачивать влево. Еще через час ходьбы до меня дошло, что она идет к центру по спирали. Полоса парка шириной около сотни метров, огражденная с одной стороны забором, тянулась вдоль дороги. Я не мог уразуметь, с какой целью так замысловато спроектировали городок.

Мне стали попадаться закрытые магазинчики, ателье, крошечные безлюдные рынки. Здесь же плотными рядами стояли двухэтажные коттеджи, построенные, судя по стилю, в разное время. В этом районе, наверное, жили рабочие. Тут уже не было земельных участков, только кое-где у крылец виднелись жалкие подобию клумб. За ними явно не ухаживали – так буйно разрослись сорняки, из их тучной массы кое-где выглядывали чахлые многолетники.

Перед одной из таких клумб на скамейке, развалившись, сидел крупный широкоплечий парень. Я с энтузиазмом по-

спешил к нему.

– Подскажите, откуда можно позвонить.

Парень вперил в меня долгий отсутствующий взгляд. На какое-то время мне показалось, что он смотрит мне за спину, ожидая кого-то. Я оглянулся, но за мной никого не было.

– Телефон, – сказал я, поднеся руку с оттопыренными большим пальцем и мизинцем к уху.

– Нету, – вяло проговорил парень после некоторой паузы.

Я немного опешил и стал осматриваться. У меня не было желания вытягивать информацию из этого одурманенного здоровяка. Но вокруг больше никого не было.

– А где почтовое отделение, не подскажете?

– Не работает, – последовал ответ.

– Мне надо позвонить, – сказал я, теряя терпение.

– Там... На заводе... – И парень снова замолчал, кажется забыв, что с кем-то разговаривал.

– Как пройти к заводу?

– А никак, провались он к черту ... – Фраза продолжилась невнятным бормотанием.

Я нагнулся, намереваясь взять парня за плечо и слегка встряхнуть, но неожиданно здоровяк перехватил мою руку.

Он склонил голову набок, вновь посмотрел куда-то мимо меня. В его глазах запылали злобные огоньки, вздрогнул массивный небритый подбородок, и лицо обезобразила зловещая ухмылка.

– Смерти ищешь?.. – прошипел он.

В следующий миг его взгляд затуманился. Парень качнул взлохмаченной головой и ослабил хватку.

Я стоял, наклонившись и слушая его неровное дыхание. Похоже, здоровяка одолевали неприятные видения.

— По той дороге... по ней иди... туда все автобусы ездят... Только никуда не сворачивай... — вдруг сказал парень.

Он отпустил меня, и взгляд его опять потух.

Я заспешил в указанном направлении. Несколько раз оглянулся. Парень все также сидел на скамейке в оцепенении.

Изнемогая от жары и усталости, я брел по спирали, теряя время и силы. Короткая дорога не попадалась. Голосовать было бесполезно: за все время пути единственным транспортом, повстречавшимся мне, был тот призрачный мотоцикл со всадником без головы.

Дома и другие постройки остались далеко позади и теперь меня с обеих сторон окружали густые заросли. Временами удавалось пролезть через щель в заборе и пройти по лесопарку, сокращая путь.

Однажды я проворонил автобус. Он был до отказа набит людьми и прополз мимо, пока я барахтался между металлическими прутьями. Два других проехали вслед за ним спустя несколько минут; я слышал шум моторов, когда продирался сквозь кусты. Напрасно я ждал автобусов на следующем витке дороги, они так и не появились.

Вновь и вновь я протискивался через ограду, а, выбрав-

шись из зарослей, опять оказывался на пустынной дороге. В одном месте встретился знак, похоже, обозначающий остановку. На жестяной табличке было написано краской «4-я заводская».

Кто и зачем поставил этот странный знак в лесопарковой зоне?

На часах было уже десять, а я по-прежнему блуждал в безлюдных местах. Солнце светило то в лицо, то в спину. Чем дальше я продвигался к предполагаемому центру города, тем реже мне попадались признаки цивилизации. Парадокс!

Дубы вокруг становились все выше, все раскидистей. Землю под ними устилала сухая прошлогодняя листва. Кроны деревьев смыкались над дорогой. Здесь было не жарко, не то что на открытом пространстве. Хотелось забрести туда, где тень самая густая, и отдохнуть. Я бросил взгляд на джинсовую куртку, которую нес на плече. Расстелить бы ее на мягкой траве, прилечь. Так бы я и поступил, если бы не хотел пить, да и есть тоже.

Ноги от усталости подкашивались, но я уже почти не хромал – расходился. Но вымотался до чертиков. Я не заметил, как вышел из-под крон высоких деревьев и оказался в полосе кустарников. Через десяток метров она оборвалась, и я вышел на большой пустырь. Вдали краснел кирпичный забор.

Размякший от жары асфальт закончился, и теперь я волочился по перекошенным бетонным плитам. Полоса парка слева начала истончаться и, в конце концов, оборвалась, от-

крыв панораму местности. Любоваться красотами у меня не было ни малейшего желания.

Пройдя еще немного, я увидел, что добрался до самой вершины холма, до его обширного плато. Посредине находилось трехэтажное здание неправильной формы, оштукатуренное и выкрашенное охрой. К нему прилегали небольшие пристройки, от которых тянулся длинный кирпичный забор. За ним виднелись закопченные трубы и купола ангаров. По всем признакам – промзона.

Близость цели придала мне сил. Неожиданно послышался звук приближающегося автомобиля. Мимо меня, не спеша, проехала серая «Волга», модель «ГАЗ 31–01». Сквозь тонированные стекла я не мог видеть, кто сидел внутри, но по скорости, с которой перемещался автомобиль, догадался: меня внимательно рассматривали. Проехав еще немного вперед, «Волга» остановилась. Дверца водителя открылась, и из машины высунулась коротко стриженная рыжая голова.

– Приезжий?! – глухо крикнул водитель.

– Ну, допустим, – ответил я. – А вам что?

Я заметил, как в глазах рыжего водителя мелькнуло недоумение. Лицо его перекосилось. Вдруг он нашелся и проговорил с интонацией робота, как заученное правило:

– Я не охранник, но, как член общества блюстителей порядка, обязан проверить ваше регистрационное свидетельство. Вы незаконно вторглись на территорию корпорации.

Корпорация... Как неожиданно для этих мест. И каков тон!

Я почувствовал, как вспыхнули щеки. На миг захотелось устроиться на этот завод, сделать молниеносную карьеру и во что бы то ни стало занять такое место, откуда бы я мог, как следует проучить этого наглеца. А что? Как нечего делать – с моим-то IQ в 115 баллов и двумя высшими образованиями.

Я подавил в себе всплеск тщеславия.

– Простите, я не думал... – начал я.

– Думать и не надо, – уныло проговорил собеседник, следя за моими действиями. – Вход по пропускам. Без пропуска могут проходить только начальники и водители служебных машин. Ваши документы.

Я засомневался: человек это или компьютерная программа?

– Послушайте мне нужно позвонить в страховую компанию. Моя машина в трех километрах от города лежит колесами вверх.

– Ваши документы, – повторил он.

– Вы сказали: вход? Но я не вижу здесь никакого входа. Это, во-первых, – я говорил спокойно. – А во-вторых, если у вас имеются ко мне какие-то претензии, будьте добры, предъявите собственные документы.

В ответ водитель скорчил уродливую гримасу, он просто задохнулся от злости.

– Сейчас... позвоню, куда следует!.. – угрожающе закричал он.

Я понял, что продолжать разговор бессмысленно, и пошагал к административному корпусу.

Рыжий бросился в машину так резво, как будто объявили тревогу. Тут же, схватив рацию, он выскочил обратно и начал вопить: «Диспетчер!.. Диспетчер!..»

Надпись на входе была снята. На ее месте красовались

поржавевшие крепления.

Я поднялся по ступеням, отшлифованным тысячами подошв. Сразу возле входа наткнулся на небольшой столик, на котором стояла баночка с супом и торчащей из нее ложкой. Рядом в пакете лежала половинка хлеба, нарезанная толстыми неровными ломтями. Воровато оглянувшись, я вытащил один.

Обойдя препятствие, я не прельстился темным коридором, а свернул направо на лестницу. Интуиция не подвела. Поднявшись на второй этаж, я прочитал на стене: «Отдел кадров». Ниже, под табличкой, висел клочок бумаги: «Сегодня приема нет».

Я провел ладонью по горячему влажному лбу и только сейчас обратил внимание, что футболка у меня украшена побуревшими пятнами крови. Неудобно как-то в таком виде посещать администрацию. Я огляделся и обнаружил то, что искал: туалет.

В зеркале отразился помятый измученный тип с распухшим носом и слегка заплывшими глазами – не хило меня долбануло подушкой безопасности. Я умылся, попил неприятной на вкус воды из-под крана, застирал футболку. Не могу сказать, что после этого стал выглядеть иначе, но почувствовал себя лучше. Особенно после того, как умял хлеб. Надо было взять два куска.

Я застегнул джинсовую куртку на все пуговицы и толкнул тяжелую железную дверь отдела кадров. Она со стоном по-

далась внутрь. Открывшаяся взгляду пустота удивила меня. Это был огромный холл с низким потолком и слабым освещением. В стенах ни одного окна. Мрачновато. Впечатление усиливал ряд металлических дверей – серьезное учреждение.

Тюрьму напоминает. Неужели вся эта угрюмая галерея – всего лишь заводской отдел кадров? Кто там, за этими дверями?

Я шагнул вперед. И тут же – словно потолок обрушился мне на плечи – такая тяжесть навалилась.

Внезапно повеяло холодом.

Я стою внутри гигантского склепа.

Серые каменные стены сочатся потеками.

Запах разлагающейся плоти разносится сквозняками.

Слышится унылый монотонный звук низкой частоты – слившийся воедино стон тысяч мертвецов, чья смерть наступила в адских муках.

Сумрачный свет угасает; пространство искривляется в сгущающейся тьме; пути к отступлению перекрыты. Реальность суживается, стискивает меня и начинает поглощать...

Я закричал, и в это время одна из дверей вдруг распахнулась. Из освещенного помещения выпорхнула девушка.

Это вернуло меня обратно. Сердце в груди бешено колотилось, а в горле пересохло, будто и не пил только что.

Я потер лоб рукой. Впервые со мной случилось такое наваждение. Это мрачные стены подействовали. До чего же тут уныло.

Стуча каблучками, девушка – эфемерное создание, настолько худенькая – направилась к одной из дверей напротив. В руках она держала открытый скоросшиватель с документами. Заметив меня, девушка остановилась, и на ее лице появилось странное выражение. Я еще не мог отойти от пережитого наваждения, но обратил внимание на то, как девушка болезненно бледна, точно белилами помазана. Только вокруг глаз темные круги.

Сам я тоже не в лучшем виде, да что там – в гораздо худшем. Но что в моем облике могло вызвать такое изумление, я не понимал. Хорошенькая в своем удивлении, приправленном легким испугом, девушка буквально остолбенела.

Я решил ее опередить.

– Здравствуйте. Мне нужен начальник отдела кадров.

Почему я это сказал? Бог весть, для чего такие сложности. Может, интуитивно почувствовал, что девушка вообще ничего не решает, и обращаться к ней бесполезно. Вот и произнес привычную для нее фразу, чтобы не хлопнулась в обморок – судя по виду, она была на грани этого. Хотя, что такого в просьбе позвонить. Я бы даже заплатил. Или, как водится, вручил жертвенный шоколад, если бы только мне подсказали, где его купить. Я расстегнул барсетку, вынул паспорт и обратил внимание, что всей наличности у меня триста руб-

лей. Смутное подозрение, что кредитки здесь не в ходу, тут же пустило корни в моем сознании.

Девушка по-прежнему выглядела потрясенной.

Неужели все в этом проклятом Полиуретане такие заторможенные?

– А они не принимают... А кто вас привел? – в ее голосе слышался ужас.

«Теперь ясно – это военный завод, – промелькнула мысль. – Почему я раньше не догадался?»

– Никто меня сюда не приводил, – ответил я, стараясь быть приветливым. – Я сам пришел.

– Что вы здесь ищете? – тихо спросила она.

– Работу, – пошутил я. – Для чего же еще приходят к начальнику отдела кадров? – И я подбочился. Ну, форменный мачо с разбитой мордой.

– Кто вам сказал, что для вас найдется работа? – Она говорила очень быстро, видимо, боясь, что ее застукают за этим разговором.

– Если есть завод, а при нем – отдел кадров, значит, должна быть какая-то работа. Я так понимаю. А что у вас за предприятие? Я хотел спросить, что здесь выпускают?

– Уходите! – строго сказала девушка.

– Кто там?! – раздалось из полуоткрытой двери.

Девушка съежилась.

– С кем ты разговариваешь, Эмма? – слышался тот же голос.

– Это посторонний! – собравшись, выговорила девушка. – Вызвать охрану, господин начальник?

За дверью зашелестело, как будто со стола убирали журналы. Затем раздался голос:

– Пускай зайдет.

Кабинет оказался просторным и светлым. На стенах, оклеенных белыми обоями, висели картины в темных рамках. За столом сидел маленький человечек и пил чай с бубличками.

– Здравствуйте, – сказал я, остановившись посреди кабинета и с вождением поглядывая на допотопный телефонный аппарат.

– Здравствуйте, – равнодушно прошелестел начальник.

Он был полноватым, лысым и носил тонкие усики. В его маленьких глазках поблескивали неприятные огоньки. Я сделал усилие, чтобы не замечать их.

Поскольку он молчал, я представился:

– Лемешев Сергей Петрович.

Лысый отставил кружку, взял ручку и что-то записал.

Я взглянул на репродукции на стене. Теплое чувство всколыхнуло мне душу, как бывает при встрече со старым знакомым.

– Превосходная коллекция, – я указал на картины. – Если не ошибаюсь, Жоан Миро? Двадцатые годы.

Лысый поморщился.

– Не я их сюда цеплял... – он вновь взял кружку и шумно отпил. – Чего вы хотите, молодой человек?

– Я приезжий.

– Продолжайте.

Он разломал бублик, отщипнул кусочек и отправил в рот.

– Ищу работу, – ляпнул я. Не потому что был не в силах выйти из образа мачо в присутствии девушки-секретарши. Мне стало интересно – включилось профессиональное чутье. Все равно отпуск пошел прахом. – У меня два высших – юридическое и журналистика, – сказал я. – Но могу делать все.

– Ну и что дальше?

– Есть какие-нибудь вакансии?

– Кто вас пригласил в Полиуретан?

– Да никто. Я сам.

На лице лысого появилось выражение досады.

– Сами?! Вы что, бродячий?..

– Что вы имеете в виду? – опешил я.

– Беглец? Рветесь в провинцию. Страхи? Долги? Преступления?

– С чего вы взяли?

– Последний автобус пришел час назад. Где вы болтались все это время?

– Вообще-то я пешком сюда пришел.

Когда человек тебе не верит, это сразу видно. Я даже немного растерялся.

Здесь не принято ходить пешком?

– Кто-то вас все же пригласил, иначе как бы вы здесь ока-

зались, – начальник отдела кадров не стал сверлить меня глазами, чего я боялся, а перевел взгляд на девушку. Та стояла у меня за спиной, прижимая скоросшиватель к груди.

– Подойдите, Эмма.

Девушка подошла, опустив плечи. В выражении лица ее была покорность.

– Видели надпись на входе? – спросил он устало.

– Да, господин начальник, видела. Сегодня приема нет.

Лысый сощурил глаза и, попивая чай, долго на нее смотрел. От этого взгляда у меня внутри разлилось чувство до-сады.

Я осмотрелся, куда бы сесть. Но других стульев, кроме того, на котором сидел начальник, в кабинете не оказалось.

– Если читали надпись, – он еще раз, не спеша, отпил, – то почему этот человек здесь?

– Простите, господин начальник.

Он остановил на ней долгий взгляд. Вдруг глаза его закалились, он вытянул шею, будто принюхиваясь, и по телу его прошла дрожь.

Девушка в это время стояла, тоже странно подрагивая. Ее колени немного согнулись, и выглядела она так, словно получила дозу наркотика.

После этого лысый молчал минуту или две, и только потом сказал:

– Вы провинились, и за это лишаетесь... обеда! – и опять захрустел бубликом.

Необходимо было как-то вмешаться. Я сделал шаг вперед.

– Эта девушка ни в чем не виновата. Говорю же вам: я ищу работу. И вошел я сюда самовольно.

На круглом лице лысого появилось скучающее выражение.

– Вы, я вижу, не очень понятливый молодой человек, – констатирующим тоном сказал он. – Сегодня я не могу вас принять. И разговариваю я не с вами, а со своей подчиненной.

– Но нельзя же девушку наказывать за то, в чем она совсем не виновата, – сказал я и тут же осекся.

– Что? – лысый мрачно улыбнулся. – Зачем вы зарываетесь раньше времени? Эмма, будьте добры, скажите мне, кто виноват в том, что этот человек сейчас отвлекает нас от работы.

– Я, господин начальник, – кротко ответила Эмма.

Что, черт возьми, творится?!

– Понятно, – сказал я. – Извините, господин начальник, но раз уж я здесь, вы можете хотя бы сказать мне, что это за производство, и есть ли у вас какие-то вакансии?

– Простите, к сожалению, в данный момент я не могу предоставить вам такую информацию, – он вдруг заговорил с нарочитой вежливостью. – Я бы рад, но не могу, поскольку сегодня у меня не приемный день.

– Хорошо. А завтра вы сможете мне сказать?

– Я-то смогу. Завтра у меня приемный день. Вопрос в

том, сможете ли вы завтра снова прийти в этот кабинет. – Он ехидно улыбнулся.

– Не понимаю вас. Это какая-то угроза?

– Не понимаете? Хорошо, я вас просвещу. Скажем так, ваше завтра может существенно отличаться от моего.

– Что вы хотите этим сказать?

– Так, всего лишь небольшое предостережение. Вы подумайте и приходите, если сочтете нужным! Только... – лысый ухмыльнулся, в его поросячьих глазках блуждали злые огоньки. – Вот вам совет: спрячьтесь получше этой ночью. У некоторых обитателей Полиуретана очень хороший нюх на таких, как вы неучтенных гостей. Может, вас пригласили, а может, вы и сами пришли. В любом случае это выяснится. И, если вы – это вы, то сами понимаете... Я опять насчет вашего завтра. Наступит оно или?.. На мой взгляд, гарантий никаких.

Я подавил раздражение и даже умудрился выдавить улыбку, сделал три быстрых шага к столу начальника и схватил трубку.

– Могу я от вас позвонить? – спросил я, уже крутя диск.

Разрешения я так и не дождался, но и возражений не последовало. «Котельная», – раздалось в трубке. Видимо, лицо у меня недоуменно вытянулось, потому что начальник с гаденькой усмешкой сообщил:

– Это внутренний телефон, молодой человек. Эмма, проводите посетителя.

Я вышел из кабинета вслед за секретаршей.

— Эмма, — окликнул я ее, как только дверь закрылась, — мне срочно нужно позвонить в страховую компанию, чтобы приехали за машиной. Я попал в аварию в трех километрах от города.

Девушка обернулась. Могу поклясться, она посмотрела на меня с еще большим испугом, чем раньше. Я ничего не понимал.

— Это невозможно, — едва слышно прошептала она, ускорила шаг и открыла передо мной такую же безликую дверь, как и все остальные. Чувствовалось, что девушка ждет не дождется момента, когда от меня избавится.

Бред какой-то! Полиуретан! Одно название чего стоит. Не сомневаюсь, что здесь проводят испытания нового психотропного оружия. Неспроста же у меня были галлюцинации. Стукнулся головой? Еще как стукнулся, но не до такой степени, чтобы не видеть всей странности происходящего. Это, наверняка, законспирированный военный объект. А тот мерзавец с бубликами — какой-нибудь майор или полковник. А секретарша — младший лейтенант. Но что это за обращение: «Господин начальник»? Господин начальник, черт побери! Диковинные здесь отношения между руководством и подчиненными?

(Лишаетесь обеда!)

Я вошел в кабинет, поздоровался с его обитательницей — пожилой женщиной в очках с толстенными линзами. Она по-

ложила телефонную трубку и кивнула в ответ безо всякого удивления, видимо только что получила указания свыше от-носительно моей персоны. Женщина поднялась из-за стола, неторопливо подошла к сейфу и, слегка приоткрыв дверцу, долго рылась в его недрах.

Можно подумать, там хранится что-то ценное, чего нельзя видеть постороннему. Я придушил ехидство, и ни один мускул не дрогнул у меня на лице, когда она извлекла пожелтевший от времени бумажный прямоугольник.

А чего стоит многокилометровая спираль той бессмысленной дороги, где исчезают автобусы с мотоциклами! И почему жители похожи на зомби? Должно быть, это какой-нибудь закрытый город. Лепрозорий? Чушь! И где, позвольте узнать, доброжелательность и уют провинции?

Ну и ну!

По своей журналистской работе мне приходилось бывать во многих городках и поселках Подмосковья. Все они как братья-близнецы, за редким исключением, вроде Дмитрова с его фонтанами или Балашихи с ее Ледовым Дворцом.

Так вот как принимают столичных в Полиуретане. Сами вы зарываетесь. Я ведь стреляный воробушек. Разве вам с вашими застойными провинциальными мозгами со мной тягаться?

Собирался ли я в действительно проводить частное журналистское расследование? Не уверен. Но как бы то ни было, меня задело. И так сильно, как еще никогда в жизни не заде-

вало. Оказаться в средоточии маразма вкупе с идиотизмом – железные нервы надо иметь. А мои, знаете ли, поржавели в последнее время. Я ведь в отпуск не по собственной инициативе отправился.

Была у нас в редакции уборщица. Надо признать, эта толстая неповоротливая тетка всегда меня раздражала, но я этого не показывал. Терпимость и вежливость – мое кредо. И вот в один злополучный день я вернулся в кабинет, после того как она там похозяйничала, и обнаружил, что стул передвинут. Мне вдруг так ясно представилось, как эта слониха забиралась на него ногами, когда вытирала пыль с кондиционера. Но по-настоящему я вышел из себя, когда не нашел справочник Розенталя. И тут мимо двери прошла уборщица.

Я бросился в коридор и заорал так, что из кабинетов повыскакивали сотрудники. Таким они меня еще никогда не видели. Толстуха замерла, перепугано бормоча оправдания и перебирая в руках мокрую тряпку, а я надрывался и вопил, пока не охрип. Сотрудники начали переглядываться, затем постепенно стали расходиться. В конце концов, мы с уборщицей остались в коридоре одни. Махнув рукой, я вернулся в кабинет и сразу обнаружил своего Розенталя.

После этого случая редактор и предложила мне пойти в отпуск. Перед уборщицей я так и не извинился.

Женщина в очках долго и аккуратно выводила несколько слов. Я оценил ее каллиграфический почерк. Вместо того чтобы как можно быстрее покинуть город, я терпеливо ждал,

переминаясь с ноги на ногу, пока она выписывала мне одnorазовый пропуск на завтрашний день.

Если бы завод был военным, разве они выдали бы мне пропуск? И так, одна из моих теорий потерпела фиаско.

Я взял пропуск, бережно опустил его в карман. Сказал себе: вот, единственная реальность, дающая какую-то определенность.

На выходе бросил удивленному охраннику, доедавшему суп:

– До свидания.

Я вышел из административного здания и направился к тому кирпичному забору, за которым возвышались заводские трубы и ангары. Надеялся отыскать стоянку служебного автотранспорта и дожидаться рейса в город. Пешие переходы меня доконали.

Впереди маячила проходная. Сторож меня, разумеется, на завод не впустил и про автобус почему-то ничего не сказал. Сколько я ни пробовал раскрутить его на разговор, он все время повторял одну и ту же фразу:

– Пропуск!

Я показывал ему ту бумажку, которую мне выписали в отделе кадров, но он говорил:

– Нет фотографии. Не установленная форма.

– Это правда, что тут изготавливают противотанковые мины? – спрашивал я. – Не можете мне приобрести ящик? Хорошо заплачу.

Его лицо делалось как камень.

Я побродил вдоль забора; он был высоковат, чтобы через него перелезть. Я попробовал. Да, не ниндзя я, не ниндзя. Пройдя вдоль всего периметра, я не обнаружил в нем ни одного прохода и вновь оказался у главного корпуса. Видимо, автобус, если таковой появится, проедет через ворота проходной. Больше нигде.

Я высмотрел невдалеке навес, под которым были сложены бочки, и направился туда. Подкатив бочку к стене, я поставил ее вертикально, влез на гулкое днище и начал карабкаться наверх. До того мне хотелось узнать, что производят на этом дурацком заводе. А заодно убедиться, что на территории стоит парочка автобусов.

В тот момент, когда я уже повис на заборе, сзади раздался резкий скрип тормозов. От неожиданности я разжал руки и свалился в траву.

В десяти метрах от меня стоял черный джип. Из машины выскочили двое громил в камуфлированной форме и двинулись ко мне, на ходу отстегивая дубинки.

– Пропуск! У меня пропуск!!! – неистово заорал я первое, что пришло в голову, и выставил вперед руку с клочком бумаги.

Подбежавший справа громила вырвал бумажку у меня из рук, поднес ее к лицу и тут же швырнул на траву. Листок упал рядом со мной.

Я бросил на него взгляд. Это был просроченный билет в ночной клуб «Потерянный рай», которым я так и не успел воспользоваться. В горячке я достал его вместо пропуска. Хотя, думаю, пропуск теперь мне мало помог бы. Приготовившись получать удары, я сжался, подтянул колени к животу. Внутри кипела злость. Ничего, перетерплю.

Увидев, что я лежу и не сопротивляюсь, охранники подняли меня и, ухватив за подмышки, поволокли к машине.

Я для приличия перебирал ногами, едва касаясь земли. Весу-то во мне почти восемьдесят пять кило, а этим хоть бы что. Меня швырнули спиной на капот. Громилы отступили на шаг.

Один спросил:

– Это ты разговаривал с водителем на территории второго участка?

– Не знаю, о каком участке идет речь, – ответил я. – Мне даже неизвестно, что это за учреждение.

– Зачем на стену лез? – бесстрастно спросил другой.

Меня в который раз охватило ощущение бессмысленности происходящего. Заныла ушибленная нога и вернулась головная боль.

Обыскав с ног до головы, парни запихнули меня в машину, на двери которой было написано «Общество Блюстителей Порядка. г. Полиуретан». Подняв тучу пыли, джип рванул с места.

Иногда мы сворачивали с главной дороги и проезжали через узкие тоннели. Их купол был разомкнут; наклонные железобетонные плиты соединялись наверху металлическими фермами. В пространстве между ними синело небо.

Эти тоннели заметно сокращали дорогу. Я не понимал, как мог их не заметить раньше, но зато теперь до меня дошло, куда подевались автобусы.

Меня отвезли в город. Вернее, депортировали за пределы спирали и отпустили. Я шел и прислушивался, двинется ли

машина с места. Но машина не уезжала. Я чувствовал спиной взгляды охранников. Прежде чем завернуть за угол, повернулся и помахал им рукой.

Я стал заговаривать с редкими прохожими, намереваясь узнать, где в городе находится железнодорожный вокзал. Мне всякий раз указывали другое направление. В конце концов, я выбрал наугад и прибавил ход.

Я попытался выйти на ту дорогу, по которой пришел, но все время попадал в незнакомые места. Хотелось есть – один кусок хлеба это же ничто, но работающих магазинов на моем пути не встречалось. Меня опять окружали заборы частных дворов. Людей за ними не было видно.

Заметив черешню, перевалившую ветви через штакетник, я остановился набрать ягод. Пока набивал ими карманы куртки, ни одна собака на меня не залаяла. У меня закрались подозрения, что их вообще нет в Полиуретане. Странно.

Неожиданно среди ветвей проглянул мост, по которому сегодня утром я вошел в этот странный город. Вот ведь угораздило. Подкрепляясь на ходу черешней, я сразу же устремился в его сторону, но тут улочка запетляла и оборвалась. Вернее, она трансформировалась в узкую, едва заметную стежку, заросшую репейниками. Тропка привела меня в балку размером с огромный стадион. На склонах ютились дома. Они казались покинутыми, но ощущение, что за мной наблюдают, не оставляло ни на минуту.

На ватных от усталости ногах я сбежал по тропинке вниз к

ручью, обросшему кустарниками терна и ивняком. Остановился на берегу и огляделся. Четко очерченные края балки напоминали волнистую линию, проведенную темно-зеленой гуашью.

Вдруг мне показалось, что тысячи людей, выйдя из домов, стоят надо мной, повернув ко мне бледные лица, на которых отсутствуют черты. Просто неподвижные белые пятна.

Я опустился на колени и умылся в ручье. Вода оказалась теплой. Среди камней резвились мальки, над бархатными верхушками камышей сновали стрекозы. Я огляделся. Видение исчезло.

Выбравшись из балки, я почувствовал себя обессиленным. Теперь моста не было видно. Более того, я потерял даже направление, в котором нужно двигаться. Опять пришлось идти наугад.

Я обходил какое-то кирпичное сооружение, как вдруг двое нетрезвых полиуретанцев преградили мне дорогу.

Вперед выступил долговязый парень с вытянутой, как веретено, головой.

— Мужчина, помогите нам в одном деле, — без всяких предисловий прогундосил он.

Уши у него были сильно оттопыренные, глаза наглые и презрительные.

Я попытался его обойти, но второй, низкорослый и лохматый, вынырнул из-за спины первого.

Втянув голову в плечи, разведя руками, он плаксиво про-

говорил:

– Че те, трудно помочь, что ли?

– Мне это неинтересно, – сказал я и попытался отстранить его рукой. Но лохматый уперся. Он даже наклонился под углом, чтобы противостоять мне.

– Да ладно тебе, ладно, – долговязый просунул между нами руку. – Слушай. Это ж дело плевое совсем.

Я похолодел и отшатнулся, увидев на его руке свежую кровь.

– А, пардон, минуточку, – долговязый достал из кармана самый грязнейший на свете платок и вытер им руку.

– Это курица! – сказал он, обращаясь одновременно ко мне и своему напарнику.

– Да-да! Он курицу зарезал! – подтвердил коротышка.

– Меня это не касается, – я вновь попытался пройти.

Долговязый хлопнул себя руками по тощим бедрам.

– Да что же это такое! Я же говорю вам, мужчина: дело-то плевое. Тьфу и все.

Он плюнул и попал мне на ногу.

Мы встретились с ним взглядами. Воспаленные глаза странного шафранового цвета. В них злоба и шакалья осторожность.

– Уйди с дороги, – сказал я.

Не думаю, что это прозвучало достаточно твердо, но, в голосе была хриплая усталость, придавшая моим словам нахальство и небрежность.

Долговязый оценивающе посмотрел на меня.

– Хорошо. Тогда предлагаю сделку, – он улыбнулся, и по его скулам пробежали морщинки.

Мне не хотелось никаких сделок. Я намеревался уйти. Но парень вдруг мягко положил руку мне на плечо.

– Слушай, ты же хочешь узнать, что у нас тут за дела происходят?

На какое-то время воцарилось молчание.

– Вас послали за мной следить? – спросил я, вытирая носок туфли о траву.

– Да ты че?! – встрепнулся лохматый. – Нас никто не может никуда посылать! Даже его превосходительство господин директор не могут нас никуда посылать, а только просить. Потому как мы...

Он ухмыльнулся, и в темноте его рта мелькнули редкие и тонкие, словно собачьи, зубы.

Мне показалось, что десны у него тоже покрыты темной кровью.

– Брательник, помоги, – примирительным тоном сказал долговязый. – А мы тебя до вокзала доведем. Домой-то охота вернуться?

– Что вам от меня надо? – сердито спросил я.

Ситуация совершенно сбила меня с толку. Кто им сообщил, что я интересуюсь заводом? Охранники? Начальник отдела кадров?

– Пройдемте за склад, на задний двор. Это рядом.

На какое-то время я, наверное, частично потерял самоконтроль.

«Задний двор... задний двор...» Слова продолжали звучать в голове. Я был словно под гипнозом.

– Идемте, мужчина, идемте, – говорили, пятясь, долговязый с лохматым.

Ноги задвигались сами собой. Мы завернули за угол сооружения и вошли в железные ворота.

– Ну, иди, иди, славный ты наш, – лохматый схватил меня под руку и потащил быстрее. Я споткнулся. Внезапно сбоку раздался женский крик:

– Менги!

Рядом, в стене склада, с шумом захлопнулся металлический ставень. Незнакомцы оглянулись на звук.

Неожиданно для себя я схватил коротышку за шиворот и, оторвав его от земли, швырнул в долговязого.

Я бежал некоторое время вдоль заборов, сворачивая в переулки, но скоро выбился из сил и перешел на шаг. Убегая, я не думал о направлении и теперь, вытирая со лба пот, стал осматриваться.

Шума погони не было слышно. Выйдя из заросшего бурьяном переулка, я оказался на довольно широкой, прямой дороге и пошел так быстро, как только мог. Если двигаться только вперед и никуда не сворачивать, рано или поздно выберешься из города. Я в это верил. Солнце уже клонится к западу. Я посмотрел на часы. Половина пятого.

Мне уже было все равно, где ночевать. Поле, обочина дороги, лес – все равно, главное, чтобы это было за пределами Полиуретана. Плохо только, что нет еды. Немного кружится голова. Может, все-таки, мне еще встретится работающая лавка. Я упрямо переставлял ноги.

Полиуретан – самое сумасшедшее место на свете, где среди бела дня на тебя нападают пьяные уроды, где нет телефонов, не работают магазины, а жители напоминают живых мертвецов. Идея остаться здесь и устроиться на завод была откровенно глупой. Никакой репортаж не стоит подобных страданий.

Размышляя о своих злоключениях, я подошел к одноэтажному дому, утопавшему в зелени. Он стоял немного поодаль от других, окруженный таким низким забором, что его можно было просто переступить.

Я внезапно почувствовал, как сильно хочу пить, и потому решил войти во двор и попросить у хозяев воды. Толкнув маленькую калитку, которая оказалась не заперта, я оказался в тени увитой диким виноградом аллеи. Густая тень освещала приятной прохладой.

Аллея была вымощена красноватым гранитом, между камнями пробивались пучки травы. Дорожку давно не подметали, под подошвами хрустел песок, и шуршали палая листва, преждевременно зачахшая от жары. Я дошел до конца аллеи и остановился перед некрашеными дубовыми ступенями. На первой – стоял пустой глиняный горшок.

– Есть кто-нибудь? – негромко позвал я, смотря по сторонам.

Справа и слева от меня росли два пышных нестриженных самшита, скрывавшие двор. Высота кустов превосходила мой рост. Казалось, из гущи их лакированных листочков за моими движениями следят чьи-то глаза. Рядом с одним из кустов торчал ржавый фонарь. Картину завершали нити паутины, тянувшиеся от навеса над крыльцом до самшитов, и от самшитов к виноградной арке.

Можно было подумать, что дом заброшен, если бы не новый веник, стоящий возле двери. Я постучал еще раз, позвал.

– Заходи, ежели не боишься! – Послышался где-то близко старушечий голос.

Тогда я потянул старую филенчатую дверь, и она отворилась. Озираясь, я вошел в дом. В прихожей столкнулся лицом к лицу с хозяйкой. Она будто приняхалась ко мне и выдала: «Не нашенский». Старуха была примерно с меня ростом, то есть около метра восьмидесяти, только шире в плечах, в старой мужской майке и шароварах. Ее лицо так исковеркали морщины, что трудно было распознать черты.

– Ну, проходи. У меня жилец уже имеется, – проскрипела она. – Так что тесновато будет. Поселю, но с условием: не пьянствовать. Терпеть не могу алкашей.

Я хотел возмутиться таким предположением, но потом вспомнил, как выглядит моя физиономия, и промолчал. Мысль о том, что прямо сейчас можно лечь на настоящую

кровать, отдохнуть, показалась заманчивой.

– Вообще-то, я хотел у вас воды попросить... Я не соби-
рался оставаться. А как насчет одной ночи? – спросил я.

– По двойной цене, – угрюмо ответила хозяйка и назвала цифру. – Воду найдешь в кухне. Удобства во дворе. Телеви-
зора нету.

Я еще стоял в нерешительности, но она уже закрыла за мной дверь. Надо же, на мои гроши тут вполне можно пере-
кантоваться.

В доме пахло сыростью, уксусом и еще чем-то неприят-
ным – то ли собачатиной, то ли кошатиной. Потолки бы-
ли довольно высокими. Стены, искривленные временем, по-
крывали отслаивающиеся обои. Возле самого входа стояли
старинные часы, издающие мерное скучное тиканье.

Кончиками пальцев старуха подтолкнула меня в спину,
другой рукой указывая на темный коридор. Из приоткрытой
двери на ковровую дорожку падал тусклый свет.

– Туда, – сказала она. – Давай-давай.

Я прошел по коридору и свернул в маленькую комнатуш-
ку. Трудно было себе представить более унылое зрелище.
Посреди комнаты стоял старинный шифоньер. По бокам от
него располагались две пружинные кровати с никелирован-
ными решетками.

На одной, подперев седую голову, лежал пожилой мужчи-
на громадного роста и мощного телосложения. Веки его бы-
ли полуопущены, рот приоткрыт, из уголка стекала слюна.

– Это Андриан, – сказала хозяйка. – Заходи. Вон твоя кровать.

Я помахал Андриану рукой, представился и сел на кровать. Пружины подо мной тут же со скрипом просели, колени оказались вровень с глазами.

Старуха нависла надо мной и, скрестив на груди могучие руки, спросила:

– Ты не из тюрьмы сбег?

– Нет, – ответил я, неприятно удивившись, что в Полиуретане все кому не лень видят во мне беглого заключенного. Возмущаться по этому поводу у меня уже не было ни сил, ни желания.

– Ладно, – проворчала хозяйка. – Постельное белье в тумбочке... А деньги вперед.

– Благодарствуем, – буркнула она, получив требуемое, и сразу вышла. Через секунду ее морщинистое лицо снова мелькнуло в дверях.

– Меня Зоей звать. Ежели понадобится, я на чердаке.

Я вытащил из-под покрывала подушку (она оказалась сырая и тяжелая) и подсунул себе под спину.

– Давно здесь живете? – спросил я у Андриана.

Он поглядел непонятливо по сторонам, как будто вопрос мог относиться еще к кому-нибудь. Я повторил. Сосед молчал некоторое время, что-то мучительно обдумывая, затем мрачно проговорил:

– Три года.

Голос был глухой и звучал так, словно он перенес контузию. Мы помолчали минут пять, потом я спросил:

– Часом не на заводе работаете?

– Да... Я – водитель автобуса, – ответил Андриан.

– А здесь временно квартируете, – заключил я. – Есть какие-то перспективы на жилье?

Андриан смотрел на меня стеклянным взглядом, изредка мигая. Он производил впечатление человека, которому сделали лобэктомию.

Я пытался его как-то расшевелить, но безуспешно. Спросил, какую продукцию выпускает местный завод, но ответа не получил.

– Видал сегодня ваши автобусы, – сказал я. – В полвосьмого везли на смену рабочих.

Я долго ждал какой-нибудь реакции, и, не дождавшись, начал уже задремывать, как вдруг сосед пробурчал:

– Да нет, это не рабочие. Рабочих раньше везут.

Я вопросительно уставился на него, но он больше ничего не объяснил.

Оставалось лечь спать. Я вытащил из тумбочки постельное белье. Лучше просто отосплюсь, решил я, чем пытаться разговаривать с таким собеседником. Андриан за мной наблюдал. Я чувствовал его взгляд на себе, особенно когда отворачивался. Стоило вновь повернуться к нему, как Андриан отводил глаза в сторону.

Перед тем, как лечь, я вышел на кухню попить воды. Тут

же наткнулся на стремянку, приставленную к стене. Вверху чернел квадратный проем.

– Зоя! – крикнул я в проем. – Где в этом городе покупают продукты?

Старуха вмиг оказалась надо мной. Я даже вздрогнул от неожиданности. Упершись в края проема крепкими напряженными руками и покачиваясь, как паук, она уставилась на меня.

– А какие именно продукты тебя интересуют? – спросила хозяйка.

Оттого, что лицо ее смотрело вниз, кожа на нем обвисла еще сильнее. Желтушные глаза налились кровью.

– Те, которые можно есть, – ответил я. – Варенка, например.

– А тушенка? Тушенка тебе не подойдет? Отдам за полтинник.

И она достала из-за спины пол-литровую банку. Я от природы брезгливый. Боясь, что она предложит мне домашней тушенки, я сказал:

– Да нет, спасибо. Я привык к колбасе. А еще мне и на завтра надо запастись.

– Про завтра будешь говорить завтра, – старуха убрала банку. – Магазин далеко... У нас на весь город два продуктовых магазина. Работяги едят в столовых, остальные жрут, что выросло в огороде. Никому здесь не нужны магазины.

– Ну а хлеб как же?

– Хлеб-то?.. Ну, ты б глаза разул. Напротив дома ларек.

Выйдя во двор, я глянул сквозь виноградную арку на Зоин огород, там росли только лопухи и чистотел. Видно, бабка живет за счет квартирантов, да еще плюс пенсия.

Странно, как я мог не заметить этот киоск? Он был прямо напротив калитки. Я подошел и заглянул в окошко. Спиной ко мне сидела девушка с черными волнистыми волосами и читала книгу.

– Привет! – сказал я. – Буханка белого хлеба найдется?

Девушка обернулась. Взгляд ее голубых глаз был таким ясным, не похожим на мутные взоры жителей этого бескровного города. Но даже на этой ясноглазой красавице лежала все та же тень отрешенности.

– Привозной закончился, только полиуретанский серый остался. – Она говорила с приветливым равнодушием. Ее взгляд скользнул по моему лицу и стал как бы невидящим.

– Давайте!

Я расплатился, но не уходил. Мне хотелось, о чем-нибудь ее спросить. Увидев, что я мешкаю, девушка посмотрела вопросительно.

– Еще что-то?

– Скажите... как вас зовут?

Она на миг застыла, затем ответила с тем же безразличием:

– Меня зовут Эфа.

– Эфа? – повторил я. – Какое необычное имя. Не встречал

никогда. А меня – Сергей.

Эфа только пожала плечами, ничего не ответила. Я посто-
ял еще немного, переминаясь с ноги на ногу.

– А я живу как раз напротив лавки.

Девушка посмотрела на меня усталым и немного раз-
драженным взглядом, будто я сказал жуткую банальщину;
в уголках ее губ появились нетерпеливые ямочки: верно, я
оторвал ее от какого-то важного занятия.

– Красивое имя, – сказал я, вертя в руках буханку. Ничего
не оставалось, как уйти. – До свидания, Эфа.

Она коротко кивнула и даже не улыбнулась.

Я вернулся в дом. Было семь часов вечера.

Хлеб оказался свежим и хрустящим. Я съел почти полбу-
ханки, запивая водой из почерневшей эмалированной круж-
ки. Наевшись, почувствовал, что меня клонит ко сну. Но я
таки совершил последний подвиг: выстирал носки и повесил
их сушиться на спинке кровати. После этого я лег в постель и
сразу провис до самого пола, точно в гамаке. Простыни пах-
ли мышами, сыростью и еще чем-то.

– Спокойной ночи, – сказал я Андриану. Тот не ответил.

Никак не могу сообразить, чего хочет от меня Андриан. Он трясет меня за плечо и объясняет, что ко мне пришли какие-то люди. Приподнимаюсь на локте. В комнате стоят двое мужчин в камуфлированной форме. Нет, это не те блюстители порядка, которые были в джипе. Это два близнеца с бесстрастными казенными лицами.

Подойдя, они вежливо объясняют мне, что я немедленно должен покинуть это место. Оказывается, без особого разрешения, выдаваемого в канцелярии завода, в городе никому не разрешается находиться.

– Как же так? – возмущаюсь я. – А туристы?

– Какие такие туристы? – мужчины странно переглядываются. – Здесь их отродясь не бывало. Да и вы, кстати, не турист.

Спорю:

– Завод не может иметь такое влияние на городскую жизнь. Горожане – свободные граждане, как и гости Полиуретана, кем бы они ни были.

– Нет, может, – отвечают они. – Все жители города, равно как и приезжие, являются собственностью завода.

Я не могу с этим согласиться, упираюсь, говорю, что никуда отсюда не уйду. В ответ на это меня предупреждают, что будут вынуждены применить силу. Я смеюсь в лицо этим

камуфлированным здоровякам, а они норовят вытащить меня из постели.

В конце концов, дело доходит до потасовки, силы неравны, и я вынужден бежать. Если бы Андриан мне помог, мы бы вышвырнули этих людей из дома, но сосед, кажется, на их стороне. Он поднимает огромные лапы, насупливает брови и медленно идет на меня, раскачиваясь, как медведь.

Я отступаю в коридор. На мне, кроме трусов, ничего нет. Хватаю сапоги, стоящие у стены и забегаю в кухню. Пробую закрыться, но замок не работает.

Надо выбить окно. Бросаю в него огромные тяжелые сапоги, раздается звон битого стекла, слышатся крики хозяйки. Разбежавшись, выпрыгиваю в окно вперед головой...

И в ту же минуту просыпаюсь...

Кажется, будто чей-то дальний крик меня разбудил.

Хочется выйти на свежий воздух. Не спеша натягиваю одежду, выхожу на улицу и бреду куда-то.

Дорога, окруженная деревянными заборами, приводит к лесопарку. К тому самому. Узнаю его высокую металлическую ограду. Подхожу. В этом месте щели между стальными прутьями настолько широки, что без труда удастся пролезть сквозь них.

Меня окружают громадные черные деревья. Среди ветвей проглядывает луна. Глядя только себе под ноги, уверенно продвигаюсь вперед. Я охотник. Но меня ведет не тропа и не тайные знаки. Сейчас я полагаюсь только на собственную

интуицию.

Неужели нашелся короткий путь?!

Скоро (слишком скоро!) натыкаюсь на высокий заводской забор, нахожу в нем дыру и проникаю на территорию. Прохожу вдоль мрачных, освещенных луной, конструкций. Приближаюсь к железной стене.

Где же дверь? Я должен пробраться в ангар. Двери нет.

Брожу по округе, пока не попадаю на открытую, плохо освещенную территорию. Мне вдруг начинает казаться, что за мной следят. Слышу чей-то шепот. Вижу длинные тени, что мелькают повсюду.

Я уже не рад, что забрался сюда и пытаюсь вернуться обратно. Мне страшно.

Где же дыра в заборе? Как ее теперь отыскать?

Неожиданно выбегают люди, хватают меня и... тут же прижимают головой и грудью к плахе. Это даже не плаха, это деревянная колода, на которой рубят мясо. Она посыпана солью и пахнет кровью.

«Руби, – говорит кто-то. – Хватит церемониться».

Ветерок шевелит волосы у меня на затылке. Это надо мной взлетает тяжелый топор. Чудом вырываюсь, уношусь прочь, не чувствуя под собой ног. Страх душит меня, пытаюсь выкрикивать его из себя порциями. Тяжело со стоном вдыхаю и выдыхаю. Ноги движутся неправильно – слишком раскидисто. Стараюсь быстрее, а получается медленно. Страх отнимает силы.

Дождь моросит, небо высокое и серое. На востоке сквозь него серебристым пятном пробивается восходящее солнце. Во время бега это пятно раскачивается из стороны в сторону.

Господи, как мне страшно!

На улицах лужи. Мне некогда их обегать, туфли промокли, но я не обращаю внимания. Улица с домами и заборами заканчивается, теперь несусь по траве, падаю, скатываюсь в канаву. Выбираюсь из нее, промокший до нитки, испачканный в глине, снова лечу сломя голову.

На какое-то время останавливаюсь, осматриваюсь. Ага, вот он, частный сектор, справа. Сворачиваю немного наискосок, бегу к пустырю, за которым возвышается насыпь – дорога к мосту.

Страх в груди по-прежнему нарастает, и к нему добавляются болезненные спазмы в животе.

Насыпь заросла травой, по ней трудно подниматься. Сдвигая на пальцах кожу, взбираюсь на дорогу. Задыхаюсь. Легкие наполнены страхом и кровью. Вот и автодорожный знак, на котором значится название городка. Пробегаю мимо и совершенно обессиленный выскакиваю на мост.

Боже мой, как мерзко! От страха подкашиваются колени, и я ничего не могу с этим поделать. Неожиданно испытываю приступ головной боли невероятной силы, как будто голова попала в тиски. Хочу стиснуть ее руками, но хватаю пустоту. Головы нет, ее отрубили.

Захлебнувшись беззвучным криком, я проснулся. Темно,

хоть глаз выколи. Кошмар внутри кошмара, сон во сне, такого со мной раньше не было. Для верности побольнее прикусил указательный палец – точно проснулся. Отер со лба липкий пот, прислушался.

Андриан спал на удивление тихо. Я ожидал, что его богатырский храп будет сопровождать меня всю ночь. Но он сошел безмятежно, еле различимо.

Я уже почти задремал, как неожиданный звук, похожий на хрип, разбудил меня. Звук доносился из коридора или из кухни и становился все настойчивее. Я сел на кровати, принялся тереть глаза.

Звук повторился опять, и тут я понял, что это задыхается человек. Вскочив, я наугад бросился к двери, пробежал по коридору и оказался на кухне. Станный сладковатый запах ударил в нос.

Так. Где же здесь выключатель? Я шарил руками по стенам, а под ногами у меня что-то чавкало. Когда, наконец, вспыхнул свет, невероятная картина открылась моим глазам. На полу среди кусков сырого мяса, разбросанного на широкой клеенке, лежала, корчась и держась за горло, хозяйка. Ее одежда была перепачкана кровью, лицо покраснело и настолько раздулось, что даже морщины немного разгладились.

Выбрала же время для разделки мяса!

Выпученными испуганными глазами старуха смотрела на меня. Посиневшие губы безуспешно хватали воздух.

Я не сразу сообразил, что случилось. Некоторое время я бегал вокруг старухи, то хватая в руки полотенце, то пытаюсь набрать в кружку воды. А Зоя, держась одной рукой за горло, все время показывала корявым пальцем себе в рот, делая при этом страшные глаза.

Наконец, я понял: бабка чем-то подавилась. Мне стоило большого труда перевернуть ее на живот, тем более что она постоянно упиралась. Бабка была тяжеленная. Я взял ее выше пояса и стал поднимать. Живот был по-старчески мягким, руки проваливались в него, а Зоя никак не хотела отрываться от пола. Расставив широко ноги и собрав силы, я единым рывком приподнял бабку и крепко сдавил ее. При этом головой она глухо стукнулась об пол.

Старуха захрипела сильнее и стала ослабевать. Она уже не могла так сильно сопротивляться. Майка ее была в крови, и мои пальцы постоянно скользили. Пытаясь поднять старуху выше, я нечаянный ее уронил. Тут же вновь бросившись к ней, я обхватил ее туловище руками, поднял его так высоко как мог, и вновь резко сдавил.

Неожиданно бабка закашлялась, что-то сдвинулось в ее горле.

Я поставил Зою на колени и на всякий случай несколько раз кулаком стукнул между лопаток.

Бабка еще раз кашлянула, изо рта у нее выскочила и упала на пол маленькая косточка, похожая на фалангу человеческого пальца. Я потянулся подобрать ее, чтобы рассмотреть.

Зоя схватила меня за руку, сама сцапала то, что чуть не стало причиной ее смерти, и вышвырнула кость в открытое окно.

Я еще раз внимательно посмотрел на старуху. Она была перепугана.

Мы сидели на полу, обнявшись и тяжело дыша, оба перепачканные кровью. Постепенно краснота сходила с ее лица, к морщинам возвращался их прежний рельеф.

Удивительно, что после всего этого я сумел заснуть.

Будильник на часах разбудил меня в полшестого. Умывшись на улице под краном, я вернулся в дом и застал хозяйку в хорошем расположении духа.

Сегодня Зоя была одета в допотопный, но довольно чистый, сарафан. Губы ее старательно покрашены помадой темно-кофейного цвета. От этого рот на бледном сморщенном лице казался черной дыркой.

Увидев меня, хозяйка расплылась в улыбке, показав шеренгу редких, но вполне еще крепких зубов.

– Заходи, спаситель мой! – приветливо сказала она, скалясь все шире. – Окочурилась бы старая Зоя, ежели б не ты. Судьба, стал быть, послала тебя. – Голос у нее после ночного происшествия был осипший.

Хозяйка предлагала мне попеременно то чаю, то оладий, то голубцов, то еще чего-то, улыбаясь до ушей и не давая пройти. Я отказывался, несмотря на то, что был голоден. Есть в такой грязи для меня хуже смерти.

– Скромненький какой, – страшным голосом произнесла

она и больно потрепала меня за щеку.

Наконец, мне, как школьнику, удалось проскользнуть у нее под мышкой. Я вытер шею и плечи полотенцем и прошел в комнату.

Андриан проснулся и лежал в той же позе, в которой я застал его вчера. Точно так же тонкой струйкой у него по подбородку стекала слюна.

– Здравствуйте, Андриан! – помахал я ему рукой.

Ноги побаливали после вчерашнего марш-броска. Но, в общем-то, я чувствовал себя отдохнувшим.

Посидев некоторое время на кровати, я хлопнул себя по коленям: пора собираться. Носки еще влажные, футболка оставляет желать лучшего. Я надел джинсовую куртку, по привычке проверил карманы, в верхнем – обнаружил сложенный вдвое листок.

«Пропуск одноразовый», значилось в нем. Далее от руки записана моя фамилия и сегодняшняя дата, четырнадцатое июня. Ниже печатные буквы: «Начальник отдела кадров», рядом размашистая подпись. И все.

Я закрыл глаза. Внезапно сны, видения и реальность смешались в моей голове. Я убрал пропуск в карман. Не то чтобы мне хотелось сохранить его как сувенир на память об этом ужасном городишке с его заводом, просто не любил мусорить.

– Как мне добраться до моста, Андриан?

– Да поздно уже, – с обычной паузой ответил сосед.

– Что значит поздно?

– Сутки прошли.

– Какие сутки, Андриан, о чем ты?!

Сосед не ответил, он прикрыл глаза и погрузился в то состояние полубессознательного бытия, в котором проводил почти все время. Я выскочил из комнаты, зовя хозяйку:

– Зоя! Зоя, как добраться до моста?

Она обернулась, прожевала оладью и, посмотрев на меня с тоской и некоторым недоумением, повторила слова Андриана:

– Сутки прошли, Сереженька. Назад ходу нет.

– Я хочу добраться до моста, – упрямо повторил я.

– Изволь, мой родной. Могу даже проводить, как особо дорогого жильца и благодетеля.

– Буду признателен.

Старуха шла так быстро, что я едва за ней поспевал. Всю дорогу мы молчали, но она пару раз тяжело вздохнула.

Вот он указатель с надписью «ПОЛИУРЕТАН», а впереди мост через речку Никодимовку. Я прибавил шаг. Зоя остановилась, не дойдя до указателя десятка метров.

– Я тебя тут подожду, – сказала она. Сказала так серьезно, что у меня по спине забегали мурашки. Но я не остановился.

– Спасибо за гостеприимство, всего хорошего, – произнес я скороговоркой, полуобернувшись на ходу. Сейчас я готов был идти пешком хоть до самой Москвы, главное, поскорей вырваться из Полиуретана.

Я приблизился к мосту, ступил гулкий металлический настил. Внезапно я почувствовал слабость, в висках застучало, перед глазами поплыли круги. Следующие два шага сделал по инерции. Ноги у меня вдруг стали подкашиваться. Я растерянно оглянулся.

Зоя стояла со скорбным выражением на лице.

– Назад! – крикнула она. – Давай назад, не то погибнешь!

Не успев вскрикнуть, я упал на четвереньки.

Кожа на руках вдруг потемнела; она стала трескаться и облезать, словно ее погрузили в концентрированную кислоту, оголилась плоть, показались кости. Из моей груди вырвался хрип, я не мог даже громко закричать: легкие запылали огнем, сердце пронзила острая боль, оно затрепыхалось в сбившемся ритме.

Воздух наполнился запахом тлена и пепла, сгустился туманным смогом. В его удушливой непроглядной взвеси метались гибкие тени. Одна из них бросилась в мою сторону, промахнулась. Тонкие ложноножки-хлысты полоснули возле самого горла.

Во рту разлился металлический солоноватый привкус. Внутри у меня все заледенело, тело немощно затряслось, с каждой секундой теряя силы.

– Назад! – опять откуда-то издалека донесся до меня крик.

Стоя на четвереньках, я попятился, роняя нити вязкой слюны, смешанной с кровью.

Я был слишком слаб, чтобы быстро убраться с этого злове-

щего места, но страх умереть заставил меня двигаться из последних сил. Наконец я сполз на крупнозернистый асфальт, покинув мост.

Бессильно распластался на дороге, перевернулся на спину. Полежав несколько секунд, в унынии поднес к глазам изуродованные руки.

Из груди тут же вырвался вздох облегчения: кожа на руках цела. Все это было жутким видением. Или нет?

Боль в сердце по-прежнему не отпускала.

С трудом поднявшись, я постоял некоторое время, осматривая себя и прислушиваясь к состоянию.

То, что случилось со мной, не имело объяснения. Если бы не предупреждение старухи, я списал бы все на вчерашнюю аварию, авитаминоз или синдром эмоционального выгорания, связанный с работой. Но происшедшее не было просто видением. Это был результат внешнего воздействия на сознание либо...

...относилось к влиянию какого-то жуткого потустороннего мира.

Я посмотрел в сторону моста, но повторить эксперимент уже не решился и побрел назад к указателю.

Я не мог говорить, мрачные мысли одолевали меня.

– Нельзя отсюда уйти, миленький, – услышал я голос старухи.

Я не ответил ей и прошел мимо. Старуха поплелась следом.

– Так что обживайся, – говорила она своим скрипучим голосом.

– Не буду я тут жить. Должен быть другой путь, чтобы убраться отсюда.

– Будешь-будешь, милый. Плату я с тебя буду брать, как и с Андриана.

– Нет, – пробормотал я. – Не буду. И денег у меня осталось всего пятьдесят рублей. Но я могу вам заплатить. Я вам дам денег, сколько захотите, только покажите дорогу! У меня с собой кредитка. Где тут банк?

– Нету здесь банков и уйти никак невозможно. А деньги заработаешь, Сереженька. На заводе. Идем, провожу тебя до остановки, как раз успеешь к автобусу.

Странно и дико... Будто кошмар, перетекший в реальность.

Стою на автобусной остановке в плотной толпе молчаливых людей. По виду большинство из них – служащие. Это клерки той самой конторы, где я был вчера. Сонные, поникшие, аккуратно одетые и словно давшие обет молчания. Некоторые держат в руках кейсы или папки.

Почему я оказался среди них? Ведь я должен бежать отсюда, искать выход. У меня отпуск. Я ехал на отдых, к морю. Мне не место здесь, в этой зловещей толпе. Безусловно, должна быть другая дорога, по которой можно уйти.

Но, предавшись, какой-то странной апатии, я стою среди этих людей и жду вместе с ними автобус.

Оборачиваюсь, боязливо приглядываюсь к стоящим рядом. Здесь собралось человек сто пятьдесят, но не удастся поймать ни единого взгляда. Смотрю на их бледные молчащие тени, словно в далекое прошлое человечества.

Теперь знаю, что первым рейсом в пять часов везут рабочих. Затем в половине восьмого отправляют служащих. Контора открывается в восемь. Автобусы ходят строго по расписанию.

Толпа подхватывает меня под руки и втаскивает в один из них. Двери с лязгом захлопываются. Я вдруг обнаруживаю

безусловную корпоративность сдавившей меня толпы-амебы. Кажется, еще немного и она поглотит меня и благополучно переварит. Иерархия обозначается прямо в автобусе. Замечаю, что каждый из вошедших, несмотря на большое количество народа в салоне, занимает строго определенное место, словно клетки в организме.

Вот сидит молодой мужчина. Престарелая женщина, вцепившись в сумочку, нависает над ним. Ее тройной подбородок и складки над локтями трясутся во время движения. О том, чтобы уступить место, нет и речи. Дама по рангу ниже этого молодца и прекрасно знает свое место. Кто он? Должно быть, ведущий специалист, маленький начальник. А престарелая женщина? Секретарь? Помощник архивариуса? Машинистка? У нее на лице отсутствует выражение досады, которое в схожих случаях можно наблюдать в общественном транспорте. Всем своим видом она показывает готовность выполнить любые задачи.

Полчаса, затраченные на дорогу в корпоративном автобусе, вполне можно добавить к рабочему времени. Значит, здесь все должно быть так же, как на работе. Вероятно, если меня все-таки примут, я буду самой мелкой сошкой, ниже этой женщины...

Вцепляюсь в поручень, зажатый с обеих сторон пассажирами.

Еще одна остановка. На ней такое же количество людей. Люди втискиваются в салон. Становится труднее дышать.

Три автобуса трогаются. И вот они, набитые до отказа, выгруливают на знакомую мне спираль.

Следующая остановка – завод.

На этот раз прохожу в административное здание по пропуску. Благодарю вахтера за попытку объяснить, где находится отдел кадров. Поднимаюсь по знакомой лестнице. Ощущение такое, будто я повторно вижу ночной кошмар.

Другая девушка, не Эмма, провожает меня в кабинет заместителя начальника отдела кадров. Как и полагается, это комната меньше и хуже обставлена, к тому же вкус ее хозяйки оставляет желать лучшего. Многочисленные календари и плакаты с кошками и котятками украшают стены. Точнее, уродуют их, делая похожими на доски объявлений или афишные тумбы, на которых истлела половина бумаги. На самых ранних картинках изображения выгорели, края обтрепались, некоторые плакаты застыли волнами, пострадав от протечки.

В кабинете витает смесь тяжелых запахов: растворимого кофе, дешевых духов и пота. Заместитель – величавая полная дама массивная и бесформенная, как туча. Гигант по сравнению с начальником. Часть ее работы – проводить первичное собеседование. С высоты иерархического положения со всей должной суровостью зам поглядывает меня поверх очков. Наверное, это должно вызывать у посетителей трепет.

Она задает короткие вопросы о том, что я умею делать. Понимаю ее затруднения: ни дипломов, ни трудовой книжки

у меня при себе нет. Зам промокает испарину платком, но спустя минуту бисеринки пота вновь проступают на лбу, при этом в кабинете довольно прохладно.

– Чем вы занимались на последнем месте вашей работы? – спрашивает меня зам.

Свожу брови к переносице. Отчего-то начинаю волноваться.

Журнал «And» был последним, пятым по счету, местом моей работы в журналистике. Редактором отдела была женщина. Замом главреда тоже была женщина. Я этим пользовался.

– Выполнял то, что мне поручало начальство, – отвечаю деловито.

Я был доволен работой, старался довести свои умения до совершенства. И всегда стремился быть первым. Работалось легко – этому содействовало мое усердие, личные чары и некоторое чутье. Я никогда не сочинял сенсаций, писал о том, что видел. Но... Мистицизм – вот призма, через которую я постоянно смотрел на мир. И читателям это нравилось.

В «And» я проработал три года и все это время ни разу не был в отпуске, как и два года до этого.

– Есть место рассылного, – сообщает зам.

– Отлично!

Мне все равно, какую работу предложат. Я – временное явление. Не может быть, что нельзя уйти из этого города. Не

хочу в это верить.

– Что выпускает ваш завод?

Зам снимает очки. Смотрит так, будто я над ней издеваюсь.

– Вы до сих пор не поинтересовались профилем нашей корпорации, молодой человек?

Делаю непорочное выражение лица.

– Да. Так уж вышло.

Она с заметным самодовольством сообщает:

– Завод выпускает поролон, эластичный газонаполненный пластик на основе полиуретана. Кроме того, мы изготавливаем спандекс, полиуретановое волокно.

Страшная тайна разгадана. Расследование завершено.

– Замечательно, – говорю. – Теперь я рассыльный поролонового завода.

В ее взгляде появляется подозрительность.

– Самого крупного в Европе! – сообщает она. – Двадцать пять цехов и аппарат управления. Это корпорация. И... вы должны знать еще кое-что.

Она сурово предупреждает, что с этого момента я принадлежу заводу. Даже такая мелкая должность, как рассыльный, может быть очень значимой для предприятия, и мне теперь, хочу я того или нет, надлежит считать себя частью большого организма. И, между прочим, администрация может использовать мой труд ради общего блага даже в мое личное время.

У меня начинается тихая истерика.

– А в чем же тогда отличие капиталистического строя от рабовладельческого?

Если сознательно лезешь на рожон, тебя не берут на службу. Для этого можно придумать сто отговорок. Но зам не собирается этого делать. Она ограничивается рекомендацией впредь быть поосторожнее со словами. Сама терпимость и благорасположение, но подергивание века выдает ее с головой. Зам достает из объемной сумки новый платок, оттирает лоб.

Спокойным тоном – всегда завидовал тем, кто умеет держать себя в руках – она советует уяснить, что о каждом лишнем слове будет известно администрации.

Покорно опускаю глаза. Вдруг начинает казаться, что все движется по заранее продуманному сценарию. В эту минуту в кабинет всовывается упитанное лицо молодого служащего.

– Что такое?! – резко вскрикивает зам. Ни о какой терпимости уже нет и речи.

– Вырлова здесь! – В его полушепоте звучит тревога.

Тучная женщина с приткостью, которой я от нее никак не ожидал, вскакивает с места.

Собеседование окончено. В руки мне пихают обходной лист и спешно выпроваживают из кабинета. Даже не успеваю спросить о жалованье.

Когда я вернулся домой, еще в прихожей услышал голоса, доносящиеся из спальни. Стараясь не скрипеть досками, я прошел по коридору, остановился у двери и прислушался.

Кроме Андриана в комнате находились еще двое мужчин.

– Не верю! – услышал я высокий голос. – Никто – ни ты, Андрияшка, ни Вася, ни кто другой, – понимаете? – меня никто не убедит. Стал-быть, ребята, тут ошибка. Может быть, он бабкин родственник. Ты настаиваешь на том, что он сам пришел в город. Он что, псих ненормальный? Послушайте, нас-то заманили неправдой. Я сам почти всю родню в эту яму перетянул. Приведи друга – тебя отпустят! Хе-хе! Теперь нашу лачугу все зовут бараком Петровых, нас там одиннадцатеро на сорока шести метрах живет. Что, Вася?

– Одиннадцатеро, – подтвердил другой голос.

– Вот как, стал-быть, получается! – продолжал первый. Он говорил очень быстро. – Вот как! И куда его причислит руководство? К шатунам? Или он сам по себе будет? Почему он здесь, в этой грязи поселился? Говорю вам: это какая-то ошибка. Он тут случайно. Никакой это не избавитель. Да и вообще не верю я в эти сказки.

Пауза. Через минуту тот же голос продолжил.

– Наверняка он законченный идиот. Ведь сразу все понятно становится, стоит несколько часов тут побыть. Видал я не раз этих случайных залетных пташек. Все упорхнули вовремя.

Я вошел в комнату. Оставалось только сделать вид, что я ничего не слышал, потому что одно дело, когда величаешь идиотом самого себя, и совсем другое – когда нелестную оценку дают окружающие.

Рядом с кроватью Андриана были поставлены два стула, на них расположились гости. Один худой, с всклокоченными волосами и маленьким обезьяним лицом. Другой тучный и невыразительный.

Увидев меня, они на миг стушевались, но худой тут же вскочил и вежливо протянул руку:

– Николай Петров!

Он галантно отступил на шаг. Я тоже представился.

– Откуда прибыли? – спросил тучный.

– Из Москвы. Прекрасная у вас природа, мне нравится. А водится ли рыба в озере? – Я попытался прикинуться рубахой-парнем, но судя по тому, как переглянулись гости Андриана, сморозил глупость. Хотя они и до этого считали меня идиотом.

– Рыба? – быстро прошептал Николай. – Может, она и водится. Но ловить ее нельзя.

– Запрет на ловлю? – спросил я. – Сезонный или постоянный?

– Никто не станет ничего ловить в этом озере. Даже сумасшедший. У нас тут рыбаков нет.

Его тонкие губы были окружены проступающим под кожей мышечным кольцом. Оно находилось в постоянном нервном движении. Смотреть в глаза Николай избегал.

– Озеро-то заводское... – пояснил его товарищ.

– Вот у меня дядька был, тот любил рыбалить. Рыбалка – дело недурное. А здесь у нас нет рыбаков. Блюстители не

позволяют. Что, Вася?

Немногословный Вася кивнул. Он сидел на стуле прямо, с застывшей гримасой страдания. Большая лысая голова напоминала мотоциклетный шлем. Бесцветное лицо украшали отвислые щеки.

Андриан, как всегда, лежал на кровати. У него был томный как у сенбернара взгляд.

Каждому из них лет под пятьдесят.

Я присел на обшарпанный сундук и сказал, приобщаясь к компании:

– Сегодня устроился на работу. Пока что буду рассыльным.

Они посмотрели на меня с печальным недоверием. Николай, похлопав меня по плечу, сказал сочувственно:

– Крепитесь, дружище. Может, повышение когда-нибудь заслужите.

– Благодарю, – сказал я. – Меня пока все устраивает.

– Э-э... – Николай погрозил пальцем. – В начальниках-то оно всегда лучше. Особенно у нас на заводе. Я вот механик. Андриан с Васей – водители. Стал-быть, мы – привилегированный класс. А вы простых работяг-то из цеха уже видели? А служащих из аппарата?

Я кивнул.

– Вот то-то и оно.

В коридоре что-то гроыхнуло. Вася вздрогнул. Мужчины перешли на шепот.

– Ты же говорил, Зои дома нет, – быстро сказал Николай.

– Спал я... Отвара напился... – начал оправдываться Андриан. – Тихо было.

Открылась дверь, и в комнату вошел еще один мужчина. Судя по реакции, его ждали. Пришедший оказался не совсем трезвым негром с широким носом и выпяченными крупными губами. Звали его Оливейра, и принес он пиво.

Кажется, прошло восемь дней. Иногда мне чудилось, что один и тот же отрезок времени прокручивается несколько раз подряд. На полу перед стулом, на котором я порой отдыхал от беготни по отделам, точно маленький коврик лежал четырехугольник света, падающего из небольшого окна. По его перемещению я довольно точно определял время. Своего рода развлечение.

В мои обязанности входило собирать разную писанину из отделов, сортировать ее и вновь разносить; множить приказы, распоряжения, опять разносить и так до бесконечности. Только из черных ящиков я не имел права брать письма. Черные ящики были в каждом отделе, они предназначались для анонимных обращений.

В конце дня – иногда пешком, иногда на служебной машине с водителем, – я отвозил письма в городскую управу. Оттуда такой же рассыльный, как и я, относил их прямо к поезду, с прицепным почтовым вагоном. Едва остановившись, поезд моментально трогался, даже минуты не стоял в Полиуретане. В него никогда никто не садился, но, к несчастью, бывало, кто-то выходил.

Деловод канцелярии, моя коллега, прикрепила мне на униформу бирку с надписью «КУРЬЕР. Таб. № 4327». Бирка была крупная, и номер напечатан очень большими цифрами.

Стоило мне впервые войти в незнакомый кабинет, все тут же могли прочесть, кто я такой.

Все рабочие и служащие, кроме руководителей, были поголовно пронумерованы. Каждый носил свою бирку, напоминающую тавро.

Ноги мои еще не привыкли к беготне. Я жутко уставал и, чтобы восстановить силы, спать укладывался не позднее восьми. Ночью мне часто снился один и тот же сон: побег из Полиуретана, вампиры, предлагающие помощь, белокурая женщина, ведущая меня по узкому, темному коридору. И еще безголовый мотоциклист.

Утром, разбитый и заспанный, я вновь оказывался в канцелярии.

Мой теперешний начальник носил необычное имя. Его звали Доргомыз Владимирович Бирюкинг. Этот человек был почти двухметрового роста с парафиново-бледным лицом и глазами навывкате. Из-за сходства с высохшей мумией, я прозвал его Тутанхамоном.

У начальника имелся отдельный кабинет, но ему больше нравилось, когда мы – я и пожилая безликая женщина-деловод – находились под его постоянным присмотром.

На локти грозного Тутанхамона были натянуты черные нарукавники с резинками. Он безмолвствовал, как и подобает мумии, и в его молчании чувствовалось напряжение: кто посмеет нарушить ритуал рабочего дня? Бирюкинг-Тутанхамон – жрец таинственной церемонии, смысла которой мы,

непосвященные, не в силах были постичь.

Допущенная кем-то из нас двоих погрешность в работе могла неожиданно вывести его из себя. И тогда Тутанхамон издавал душераздирающий вопль, от которого в оконных рамах дребезжали стекла.

В мой первый рабочий день он величественным жестом подозвал меня к себе. Я стоял перед ним и переминался с ноги на ногу. Тутанхамон взял ручку и начал трудиться над запиской. Он писал, а я, склонив голову, читал его каракули.

Корявым почерком Тутанхамон нацарапал следующее: «Для Куксина. Ув. г. Куксин! Щета неподписаны, вам надо явица к замдиректору лично. Бирюкинг». Он вручил мне лист и сержантским тоном скомандовал:

– В отдел производства! Быстро! Одна нога здесь, другая там!

Видимо, заметив улыбку на моем лице, Бирюкинг проревел:

– Вопросы?!

– Вы не могли бы передать это по телефону?

Он скривил рот и пожал плечами.

– А ты мне на кой?

Канцелярия располагалась на первом этаже. Чтобы попасть в отдел производства, надо было выйти во двор, обогнуть здание и войти в него с торца.

Я выбрался на улицу и побрел вдоль корпуса, щурясь от яркого солнца. Бросив случайный взгляд на беседку для от-

дыха, я заметил в ней темноволосую девушку. Лицо ее было закрыто руками, и я не мог его разглядеть. Худенькие плечи вздрагивали.

Я подошел к беседке и остановился.

Девушка сидела ссутулившись, длинные волосы рассыпались по плечам. Быть может, мне показалось, но я почувствовал это пугающее отчаяние. Его источала не только согбенная фигурка, само это место было пропитано им.

Я тихонько прокашлялся.

Девушка отняла руки от заплаканного лица, осторожно на меня взглянула. Из груди ее вырвался всхлип.

– Оставьте меня в покое! – крикнула она.

Иногда прогнать меня бывает непросто.

Я положил папку на перила и зачем-то обнял руками деревянную колонну.

– Но мне кажется, вам нужна помощь, – я старался, чтобы голос звучал как можно мягче, несмотря на то, что мне становилось все более неуютно в этой беседке. Она совершенно не располагала к отдыху.

Девушка не ответила. Она вскочила со скамейки, ожесточенно толкнула меня, так, словно я был причиной ее несчастья, и убежала.

Я машинально шагнул вслед за ней и почувствовал, как земля ушла из-под ног.

Падение никак не прекращается, я проваливаюсь в жел-

тую пустоту. Инстинктивно пытаюсь схватиться за колонну, но ее нет, пропала. Испуганно оглядываюсь и не обнаруживаю ничего. Небо и земля перестали существовать, и нельзя определить, где низ, а где верх.

Пугающим и мучительным оказывается то, что я не могу крикнуть: воздух не набирается в легкие, губы не размыкаются. Я пытаюсь найти руками лицо, но сами руки куда-то исчезли! И что с глазами? Они то ли открыты, то ли закрыты, то ли вовсе их нет!.. Несмотря на это, я могу видеть: всем своим преображенным существом.

В желтоватой мгле, что-то непрерывно видоизменяется. Вокруг носятся белесые тени, то приближаясь, то удаляясь. Иногда я почти чувствую прикосновение их развевающейся эфирной рвани.

Вдруг движение прекращается, точно время остановилось. И в следующее мгновение начинает рассеиваться туман. Маревو истончается, ветшает. Сквозь образовавшиеся дыры проступает явь, но я не могу определить, та ли это реальность, в которой я минуту назад находился.

Неожиданно прямо из остатков еще не развеявшегося марева появляется юноша – совершенно эфемерный. На нем белая рубаха, сиреневый галстук, очки в серебристой оправе. Я успеваю заметить наглаженные стрелки на коротких рукавах. Он проходит сквозь меня, – горло и грудь сдавливают спазмом. Я вскрикиваю и, секунду спустя, обнаруживаю се-

бя стоящим в беседке посреди ясного летнего дня.

Сердце отчаянно билось, и его стук отдавался в висках. Я вглядывался в зелень деревьев, стоящих поодаль, дожидаясь, пока утихнет дрожь в коленях. Ни девушки, ни других людей поблизости не было.

Я растер лицо и взял папку. Если не задумываться об этих странностях, что происходят со мной с тех пор, как я оказался в Полиуретане, то вполне можно существовать. Где-то я читал, что удары головой не проходят бесследно. Но больше всего мне хотелось бы списать это на влияние ядовитой атмосферы производства. На худой конец – на ауру города-ловушки.

Постояв еще немного и придя в себя, я развернулся, чтобы уйти, но вдруг заметил обрывки бумаги на полу беседки. Быстро нагнулся, зачем-то собрал их и сунул в карман.

Пора было возвращаться к работе.

Нигде я не встречал такого количества проходных и вахтеров, как на этом заводе. В крыле здания, куда я направился, был отдельный вход, который сторожил человек с мрачным, неподвижным лицом. Показав удостоверение, я поднялся на третий этаж. Здесь находился отдел производства.

Металлическая табличка над входом предостерегала надписью, выведенной красными буквами на черном фоне: «Твой завод – твой дом. Сохраняй в нем порядок!»

Лишь только я вошел в просторный зал, молодой клерк,

сидевший ближе всего к двери, отложил в сторону ручку и спросил:

– Новичок?

– Да, – ответил я и достал из папки листок с каракулями Тутанхамона. – Вот записка для Куксина. Кто это такой?

Клерк посмотрел в сторону.

– Есть тут один... Вышел.

– Ваш босс? – Я сунул записку в нагрудный карман. Строгое правило – вручать адресату.

Клерк обреченно вздохнул, и мы обменялись рукопожатиям, знакомясь и заключая маленький тайный союз.

Жора Цуман был инженером второй категории. Я прочел это у него на бирке. Его внешность показалась мне приятной: тонкие черты лица, густые черные волосы, туманный меланхолический взгляд. Он был на несколько лет моложе меня.

Узнав о моем столичном происхождении, он слегка ободрился и предложил подойти к окну для разговора.

– Этот участок не захватывает камера наблюдения, – сказал он мне на ухо.

Цуман открыл форточку, закурил. Я бросил папку на подоконник. Мы переговаривались полупшепотом, угадав друг в друге единомышленников и опасаясь, что нас услышат.

Жора уже третий год работал в аппарате поролонового завода. Он от души костерил руководство и систему. Его, разумеется, не устраивали ни царящие тут порядки, ни зарплата. У него была куча предложений по реконструкции всего.

Конечно, никто из администрации не прислушивался к его мнению.

Особую нелюбовь Жора питал к заместителю директора по финансам Вырловой, которую боялся до одури. Он говорил монотонно и непрерывно, часто повторяясь, как заевшая пластинка. Через пять минут стало ясно, что Жора никогда не сможет выговориться. Он вещал, как заведенный. Иногда не предложениями, а лишь их обрывками. Я вдруг почувствовал, что как бы далеко не зашла наша с ним откровенность, есть нечто такое, о чем он говорить не станет.

Все, что он сказал, звучало поверхностно и неубедительно, как скверная актерская игра. Несмотря на то, что он говорил об интересующих меня проблемах, я не узнал ничего нового.

После того, как я спросил, не может ли он объяснить мне, кто такие менги и какое отношение они имеют к поролоновому заводу, он занервничал и перевел разговор на тему инертности профсоюзов.

– Стопроцентные крысы, – убежденно сказал он.

– А за что вы так не любите Вырлову?

Уже не в первый раз я слышал о ней. Что это за женщина, одно упоминание о которой заставляет людей бледнеть?

– Это исключительная стерва, – скривился Жора. – Вы видели ее?

– Еще нет.

– Поднимитесь на два этажа. Она в вашем крыле сидит.

И тогда вы сами все поймете, — он наклонился ко мне и прошептал:

— Прожорливая гадина. У нее среди акционеров крыша. Думаю, даже директор ее опасается. Сама же она ни черта не боится. Разве что избавителя, которого все ждут.

Он стал уверять меня, что замдиректора виновна в самоубийстве некоего Андрея, бывшего служащего из финансового отдела.

Я спросил его о директоре.

Похоже, это была любимая Жорина кость.

— Артур Присмотров на публике появляется раз в году, на заседании акционерного общества, — сказал он. — Я его ненавижу, этого крота. Сидит в своей норе и читает доносы, которые строчат такие, как Грязин. Но он-то начальник службы безопасности, ему по должности полагается. А пишут все. Любого начальника взять — пишет, сволочь!

Он снова наклонился ко мне, и сказал шепотом:

— Слушайте... Пока вы в карантине...

Неожиданно открылась дверь, от чего Жора вздрогнул. Вошел человек в строгом черном костюме без бирки на груди. Мне показалось, глаза его вспыхнули красным огнем. Я догадался, что это Куксин, которому принес записку от Тутанхамона. Нужно было срочно возвращаться к своим обязанностям.

Куксин вырвал у меня записку и сунул в карман, затем поманил пальцем Цумана. Тот неохотно, но, вместе с тем, бес-

прекословно подошел. Куксин задрожал, у него закатились глаза. Я тотчас вспомнил лысого начальника отдела кадров, он выглядел так же.

Куксин вытянул шею, и мне показалось, он хочет поцеловать Жору, который вдруг стал покачиваться на полусогнутых ногах. Мой новый знакомый выглядел так, словно ловил кайф от какой-нибудь дури. По телу его время от времени пробегала дрожь. Тело шефа тут же содрогалось в ответ.

На меня накатила волна отвращения, и я выскочил, чтобы не видеть эту сцену. Сбежал по лестнице вниз и тут вспомнил: папка! Я оставил ее на подоконнике. Пришлось вернуться.

Когда я опять вошел в отдел производства, Жора Цуман уже сидел за рабочим столом. Он трудился усердно, хотя и вяло. На меня даже не взглянул. Сейчас им владело тупое безразличие к окружающему, которое я часто замечал его на лицах работников корпорации.

Папка, никем не тронутая, так и лежала на подоконнике. Я взял ее и направился к выходу. Хриплый вскрик заставил меня обернуться. В дальнем конце помещения что-то происходило. Даже вялый Цуман заинтересовался. Я подошел ближе.

В окружении ничего не предпринимающих работников на полу корчился начальник отдела производства. Тело Куксина то выгибалось дугой, то опадало и тряслось мелкой дрожью. Он хрипел, изо рта ползла пена. Ближе всех к нему сто-

яла девушка в синем костюме, покачиваясь на полусогнутых ногах. Она постепенно приходила в себя.

«Неудобоваримая», – прошептал кто-то рядом. Я оглянулся. Служащие неотрывно смотрели на корчащегося начальника.

«Что там? «– раздалось с другой стороны.

«Первая проба», – объяснил кто-то.

Куксин неожиданно сел. Он сплюнул пену и глянул затуманенным взглядом на девушку, вернее на бирку, приколотую у нее на груди. Поднявшись, начальник отдела производства нетвердым шагом направился к себе в кабинет. На пороге он оглянулся и поманил кого-то пальцем. Меня? Я бросил взгляд по сторонам. Любопытные уже разошлись. Я один все еще топтался на месте, даже девушка в синем костюме куда-то подевалась. Мне стало не по себе.

Когда я вошел, Куксин, аккуратно выводя буквы, писал. Голову он придерживал рукой, уперев лоб в узкую ладонь, а бледностью превосходил Тутанхамона. Поставив подпись, Куксин положил записку в конверт и, запечатав его, сказал:
– В приемную директора.

Он даже не подписал конверт, потому что забыть адресата я бы не смог. Такая почта первостепенной важности, так что мне сейчас надлежало топать прямо в директорскую приемную. Я положил письмо в папку и вышел.

На лестнице я остановился, глянул по сторонам – никого. Очень хотелось взглянуть на послание Куксина хоть одним

глазком. Я вынул конверт из папки, повертел в раздумьях и сунул письмо обратно. Не вскрывать же. Есть и другие способы.

Я в очередной раз пересек двор, с опаской поглядывая на беседку.

В приемной директора мне бывать еще не доводилось. Каково было мое удивление, когда я вошел и увидел темноволосую девушку-секретаря, ту самую, которую полчаса назад пытался утешить.

– Что вы хотите? – спросила она и только после этого оторвалась от бумаг, чтобы взглянуть на посетителя. На мгновение лицо ее сделалось испуганным.

– Письмо для господина директора. – Я подошел к столу. Она взяла конверт.

– Можно мне выпить воды? – спросил я, заметив на журнальном столике графин и стаканы.

– Пожалуйста.

Пока она распечатывала конверт, я наполнил стакан.

Секретарское место располагалось между двух высоких окон.

– Красивый отсюда вид, – заметил я, подходя к ее столу. – Это вокзал вон там?

– Что? – спросила девушка рассеянно, и отложила письмо Куксина. Она была благодарна, что я не напомнил о беседке. При этом было совершенно не важно: не узнал или делаю вид. Она поднялась и тоже посмотрела в окно так, слов-

но делала это впервые. Девушка сощурилась, вглядываясь. Я, не теряя времени даром, пробежал взглядом по строчкам письма.

«Директору ЗАО «Полиуретан» г-ну Присмотрову А.И.

За добросовестное выполнение должностных обязанностей, с целью мотивации труда предлагаю премировать инженера отдела производства Ясневу М.М. таб. № 3466 в сумме 50 % оклада. С уважением, нач. отд. производства Куксин Е.Г.»

– Да, вокзал, – подтвердила секретарь и вернулась на рабочее место.

Я допил воду, вежливо попрощался и вышел из приемной. Странное дело, – думал я о Куксине и его записке. – Похоже на какое-то извращение. Или он становится таким добрым после приступов?

В обеденный перерыв я не пошел в столовую, а достал из кармана скомканные обрывки, которые подобрал в беседе. Я разложил их на столе, разгладил и стал складывать, как детские пазлы. Через пять минут передо мной лежало письмо.

«Директору ЗАО «Полиуретан» г-ну Присмотрову А.И.

За добросовестное выполнение должностных обязанностей, с целью мотивации труда предлагаю премировать ведущего инженера отдела производства Цумана Ж.В. таб. № 3413 в сумме 50 % оклада. С уважением, нач. отд. производства Куксин Е.Г.»

Я задумался. Письмо порвано, может, даже не донесено до адресата. Кем? Секретарем? Очередная загадка.

Я человек вполне свойский. Всегда интересуюсь, чем живут окружающие люди. Если это работницы ткацкой фабрики, обязательно надо узнать, как функционируют станки, чем зарабатывают на жизнь мужья, довольны ли начальством, и может ли быть счастливым тот, кто всю жизнь простоял у станка. Может? Я очень хочу это знать. Если это начинающий шоумен, то надо выяснить, как скоро надеется он вскарабкаться на вершину Олимпа, что ему для этого потребуется, какие преграды стоят на его пути. При этом как бы влезаю в шкуру собеседника. Всякий раз хочется увидеть мир его глазами. Одним словом, в общении я легок и любой конфликт всегда готов перевести в шутку.

Так и в Полиуретане я приобрел одного за другим новых приятелей. Это были делопроизводители, клерки, начальники бюро, иногда замы начальников отделов. Вот категории работников, которые могли подавать мне руку. Начальники отделов и выше – никогда: исключено. Для них я был неприкасаемым. Они могли позволить себе лишь бросить, не глядя: «Отнесешь в канцелярию!», «Положишь на стол!»

Я увидел ее, когда принес почту в финотдел. Еще в коридоре понял, что это Вырлова. Замдиректора шла легкой походкой в сопровождении свиты. Такие люди, как она, не ходят по коридору в одиночку. Я как раз отворил дверь в ее

приемную, и вдруг раздались эти решительные шаги.

Повернувшись, я так и застыл вполоборота.

Это была интересная сорокалетняя блондинка.

Я замешкался и даже на миг растерялся: как поступить правильное – войти и поздороваться в приемной или отойти назад и пропустить ее?

Она шла прямо на меня, и при каждом ее шаге завитки белоснежных волос слегка пружинили. На ее лице было мягкое, умиротворенное выражение. Неужели эта дама с модельной внешностью тоже способна закатывать глаза и, дрожа от экстаза, пить чью-то энергию?

За ней, отстав на полшага, двигались, как два адъютанта, две хмурые женщины, пожилые брюнетки.

Мы встретились с Вырловой глазами. Это длилось несколько мгновений: она смотрела на меня, как порочная госпожа – смесь материнства и вождения.

Затем взгляд соскользнул. Не вниз, не вверх и не в сторону, а туда, куда с портретов устремляют взгляды великие люди – в грандиозные планы.

Я все же отступил и зацепился папкой за дверной откос. Папка выскользнула у меня из рук, и я принялся поспешно собирать разлетевшиеся документы.

Замдиректора замедлила шаг, остановилась, насмешливо посмотрела на меня сверху вниз.

– Курьер, – сказала она необыкновенно мягким голосом, – надо лучше выполнять свою работу. За что я тебе плачу?

Она коротко улыбнулась, а женщины за ее спиной нахмурились еще больше.

Я подобрал бумаги и резко выпрямился. Теперь уже я смотрел на нее сверху.

Она не двигалась с места, наверное, ждала извинений или еще чего-нибудь. Может, хотела увидеть мое смущение. Но я молчал и внимательно рассматривал ее. Судя по тому, как напряглись за спиной замдиректора наперсницы, мое поведение было вопиюще неприличным. Я представил, как не спеша откидываю белокурые пряди с ее плеча, как обнажается шея. И, кажется, она это уловила.

– Идем, – негромко сказала Вырлова и шагнула в приемную.

Стуча каблуками, свита двинулась за ней.

Конечно, она не мне сказала «идем», а сопровождающим. Но все же произнесла это, глядя на меня, хотела увидеть мое замешательство. Я разгадал ее хитрость. Молча отдал бумаги секретарше и ушел.

И все-таки она меня зацепила. По сравнению с остальными замдиректора по финансовым вопросам казалась такой свободной, вольной поступать, как ей вздумается. Она могла позволить себе взять то, чего желала, и ни на кого не оглядываться. В ней не было этой всеобщей затравленности, что понятно, учитывая ее положение в корпорации. Но ведь подобных высот потому и достигают, что обладают качествами, которые выделяют из толпы. Вырлова – личность яркая, во-

левая, а что до стервозности – меня это всегда интриговало. К тому же, она чертовски красива.

Вечером пришлось задержаться и помочь деловоду канцелярии, тихой женщине: Доргомыз подкинул работу.

Маленькие боссы, чтобы выслужиться перед большими и показать свою занятость, нарочно накапливают задания и раздают их подчиненным в конце дня. Если не успеваешь окончить работу до пяти, то приходится ждать восьми, когда подают дополнительный автобус. Как правило, в него набирается человек семьдесят.

В автобусе было душно, и я вышел из него на первой же остановке, чтобы немного пройтись и подышать воздухом. Видимо, я выбрал неверное направление и оказался не на той улице. Мне пришлось возвращаться обратно, и я потерял много времени. Стало смеркаться.

На перекрестке, где я должен был повернуть, меня остановил женский крик. Я осмотрелся и заметил в шагах пятидесяти от меня три фигуры. Испытывая внутренние колебания, не спеша двинулся в их сторону.

Двое парней держали за руки невысокую девушку, прижав ее спиной к шиферному забору. Увидев меня, хулиганы замерли в ожидании.

– Помогите! – слабо крикнула девушка, и я ускорил шаг, на ходу глядя по сторонам в поисках какой-нибудь палки или камня. Но не заметил ничего подходящего для драки.

Что-то знакомое было в фигурах парней. Один был вы-

соким, другой маленького роста. Приблизившись, я сразу узнал в них тех алкашей, которые цеплялись ко мне в тот злополучный день, когда я пришел в Полиуретан.

Наскоро прикинув план действий, я побежал к ним и схватил того, что поменьше, за шиворот. Хотел, как и в прошлый раз, отшвырнуть его в сторону. Рванул, но тот остался на месте. На этот раз он точно к земле прирос. Одежда его затрещала по швам, но сам он остался неподвижен, как будто весил целую тонну.

Я ударил его по руке, которой он держал девушку, и зашипел от боли. Не думал, что отобью себе кисть. Ощущение было такое, будто я опробовал силу на бронзовой статуе.

– Камикадза, – сказал он высоким, хриплым голосом и оскалился. В сумерках блеснули острые, как у хищника, зубы. – На этот раз ты от нас не уйдешь.

Я мельком взглянул на девушку и тут же узнал. Это была секретарша директора, та самая, что плакала в беседе.

– Отпустите ее! – заорал я.

Подскочив к долговязому, изо всех сил ударил его по лицу. Опять тот же эффект, но теперь, кажется, я их разозлил.

Грубо отпихнув девушку в сторону, менги (тот выкрик застрял в памяти) стали надвигаться на меня. В эту минуту я осознал неотвратимость гибели.

– Не прикасайтесь ко мне! Вы, чертовы твари! – крикнул я, сорвавшись на фальцет.

Меня захлестнул ужас. Я буквально захлебнулся в нем.

Он сочился отовсюду: из меня самого, из девушки, из окружающего пространства и неумолимо нарастал, словно что-то его генерировало. Даже земля и асфальт источали видимые глазу тонкие струйки отвратительной субстанции. От этого сгущающегося запредельного страха я начал задыхаться.

– Уйдите... – не своим голосом простонал я, отступая. – Оставьте меня...

Нога попала в выбоину на асфальте, и я упал.

Менги нависли надо мной черными теньями. Это были уже не люди. Исполненные плотоядной злобы, они поочередно издавали зловещее рычание. В сумраке их глаза блестели желтоватыми огоньками, рты увеличились, обнажив клыки, и стали похожи на пасти ротвейлеров.

Я обессилел. Только руки еще немного слушались. Перебирая ими, я начал отползать назад, но вскоре упал на локти и, не в состоянии больше двигаться, оцепенел.

– Теперь проси... – сказал долговязый и вдруг запел унылым гекзаметром: – Проси, чтобы мы тебя съели. Проси...

– Проси, чтобы мы тебя съели, – как эхо, повторил коротышка.

– Проси!... – вновь протянул долговязый. – Проси!..

Их голоса раздавались сперва глухо, как бы отдаленно. Но с каждым словом ритмичные заклинания менгов сливались воедино и звучали уже как хор. Их морды приблизились ко мне, глаза округлились и глядели пристально, не мигая. Голоса все громче и громче отдавались в голове и, наконец,

стали раскатисто гроыхать во всем моем существе, парализуя остатки воли.

– Проси, чтобы мы тебя съели, проси!.. Проси, чтобы мы тебя съели, проси!..

Где-то в глубине родилась ответная фраза: «Съешьте меня...»

Страх начал отступать, его сменило предчувствие блаженства. Я развел плечи, чтобы сделать последний вдох. Губы разомкнулись сами собой. Менги замерли в ожидании. По их телам пробежала нетерпеливая дрожь.

В тот миг, когда я хотел уже произнести слова собственного приговора, нечеловеческая сила отшвырнула менгов.

За мгновение до этого я увидел Зою.

– Фуф! Вовремя поспела. – Гигантская старуха, держа рычащих монстров за шкурки мощными руками, в умилении смотрела на меня. – Батюшка Сергей свет Петрович! Что же ты, сердешный, в такое-то время дома не сидишь? Да кабы бабушка рядом не оказалась, не было бы уж тебя на этом свете! Горькие слезы пришлось бы лить тогда старой Зое.

Старуха с неприязнью посмотрела на долговязого. Он уже не выглядел так хищно.

– Отморозок, – сказала она, и тон был соответствующий – ледяной.

Отпустив коротышку, Зоя наотмашь ударила долговязого по лицу. Тот свалился на колени, издав глухой стук. Старуха резко повернулась к коротышке, оскалилась.

Маленький не убегал. Он покорно стоял, замерев и прижимая руки к груди. Зоя захватила его лицо в пятерню, сжала и толкнула коротышку на забор. Проломив затылком толстый шифер, менг ополз на землю.

Только теперь я заметил, что девушки поблизости нет.

– Так! Ишшо раз увижу, что задеваете моего Сережку, мозги вышибу, – грозно сказала Зоя, помогая мне подняться. Затем наклонилась к долговязому.

– А ты что развалился. А ну, встать с колен!..

Долговязый поднялся. Зоя заговорила поучительным тоном:

– Паренек этот, – она указала на меня пальцем, – маменьку вашу от смерти лютой спас, и я у него в долгу. А скажите, кто из вас, дурней, слышал, чтобы нашего брата люди спасали от смерти? Было такое? А вот он взял и спас. Пример с него берите, а они пасти свои поганые поразевали. А ну вон отседова, алкашня!

Менги вскочили на ноги и в одно мгновение скрылись в густеющих сумерках.

– Мало им на откорм всякой падали кидают, шакалам?.. Так нет же, надобно им нормального человека скушать.

Зоя приняла гордую осанку, подняла меня, взяла под руку, и мы двинулись к дому. Я еще не совсем пришел в себя и толком не разбирал дороги.

– Кто это? – негромко спросил ее.

– Да сыновья мои. Ихний район здесь, вот и ошиваются, –

сказала Зоя немного виновато и добавила как бы про себя: – Да ты ж еще и порядков тутошних не знаешь совсем. Ах ты ж, заблудшая овечка.

Она крепче сжала мое плечо, приблизила ко мне лицо. Я почувствовал ее тошнотворное дыхание.

– Не ходи ты здесь по ночам, Сережа. Опасно для тебя. Слаб ты, человек, чтоб от нас отбиваться. Тем паче, ночью, когда силы у нас приумножаются. Эти-то двое тебя уж больше не тронут, их ты не боись. Но кабы они тут одни были, то еще ничего. Таких, как мои Сева и Вовик, десятки в Полиуретане. Все мы семья, и фамилия у нас одна – Морховиц. Я, конечно, тебе кой-какую протекцию могу оказать, особенно в ближних районах. Только ненадежно это. Иные наши родственнички как заляют себе zenки водкой, злые делают-ся, точно волки.

«Значит, и ты тоже одна из этих тварей? Значит, вы людоеды? И в ту ночь ты косточкой подавилась самой настоящей человеческой? А я еще спасал тебя...» – Я чуть было не произнес это вслух; что-то меня заставило сдержаться. Преодолевая подкатившую к горлу тошноту, я ускорил шаг. Меня всего трясло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.